

КОНУНГ:

Вечный отпуск

Первая книга серии

СЕРГЕЙ РУДЕНКО

18+

Научная фантастика, 2018

Сага о конунге

Сергей Руденко

Конунг: Вечный отпуск

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Руденко С. В.

Конунг: Вечный отпуск / С. В. Руденко — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Сага о конунге)

Самолет рейса SU150 "Москва-Гавана" пролетел намного больше, чем было запланировано, но точки назначения так и не достиг. С туристами и совсем беда - выжило лишь четверо. Набеги, битвы, грабеж и насилие, магия храмов-пирамид, кровавая борьба за власть, сокровища все еще живых вождей минувших эпох и исчезнувших народов. Наши современники попали в параллельную средневековую реальность, а здесь это текучка. Среди попаданцев нет "ветеранов спецназа" и "чемпионов мира по фехтованию", но во все это главный герой включился не без успеха.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Неестественный отбор	7
Глава 2. Страна пирамид	29
Глава 3. Переселенцы	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

Ахкияр, Врата батавов. Осень 2038-ая от Исхода

Визгливые аварские свистки ожили где-то позади напирającego строя степняков. Они мгновенно были подхвачены предводителями малых отрядов, и огромная масса измотанных многочасовым боем врагов дружно отхлынула, нет-нет да теряя бойцов под градом торопливо бросаемых в спину стрел. Предводители аваров, наконец-то согласились, что и в этот раз им не прорваться за наскоро собранные, и такие, на первый взгляд, ненадежные, укрепления.

Пластинчатую броню богатых воинов и их многочисленных телохранителей обычной пехотной стрелой не так уж и просто пробить. Но основную массу улепетывающей спешенной легкой конницы, прикрытую лишь халатами да небольшими дисками плетеных щитов, фриззы поражали без труда. Конечно, не каждый оперенный снаряд сразит взрослого мужа, да и большинство подранков родичи успевали подхватить, но случалось это далеко не всегда.

Стоило врагу выйти за пределы стрельбы из луков, как обороняющиеся взорвались торжествующими и оскорбительными криками. В наступившей через некоторое время тишине, раздался голос хёвдинга, как раз и наладившего здешнюю оборону.

– Получили, «tvari suetlivye»?! – подвел своеобразный итог сражению предводитель, на каком-то незнакомом языке.

Явно довольный происходящим, высокий и крепкий мужчина откинул вверх тигриную личину шлема, снял его с взмокшей головы, и подставил солнечным лучам и слабому ветерку усталое, но счастливое и лишь чуть тронутое загаром лицо. Дальше звучали команды привычные, и среди них не встречалось незнакомых слов.

– Первая и вторая дюжины – сдвинуть решетки и обогреть брошенные тела, вторая и третья – на восстановление частокола и ловушек. Раненных – срочно обиходить и в лагерь. Остальным – позволяю отдыхать!

За последние три дня воины привыкли, что забывшись, их новый хевдинг может кричать непонятное, но и доверие к его приказам выросло неимоверно. Поэтому прозвучавшие распоряжения заставили тут же взорваться приказами уже младших командиров.

Монолитный строй фризов, еще минуту назад единым организмом, зубами и ногтями, вцепившийся в свою ненадежную цитадель, рассыпался. Глянь кто сверху, мельтешение воинов сейчас сильно напомнило бы причудливое бурление водоворота. Небольшие ручейки отдельных отрядов устремились по своим новым делам: вправо, влево, вперед и назад, на встречу друг другу и нет.

Но большинство уцелевших изнуренно побрели отдыхать. Сжимая во взмокших руках заляпанное кровью оружие или испещренные следами битвы щиты, они сейчас не мучали себя иными мыслями, кроме надежды на глоток холодной горной воды, лишь чуть подкисленной светлым вином. Жаркое летнее светило замерло в зените, и до следующей атаки у всех было не так уж и много времени...

Кстати, успевая, перемолвится по вечерам у костров, кто-то о командире даже сказал, что ведет себя он, скорее, как аварский тойон. Многие годы конные степняки без труда громили пешие отряды прибрежных племен, и прозвучало такое наблюдение ...больше одобрительно.

И правда, богато украшенные и щедро бронированные аварские предводители, всегда предпочитали, на своих высоких скакунах до последнего мига оставаться в задних рядах. Высматривая дрогнувшие отряды, разрыв в строю или иные проявления слабости, они лишь почувствовав «верный» шанс, смыкали строй конных телохранителей и младших вождей. Пришпорив коней, только тогда они бросались для сокрушительного удара длинными пиками, когда чувствовали надежду опрокинуть своих врагов. У фризов же все не так.

Даже самые родовитые предводители ивингов, гутонов, да и вообще любых других племен среди токсандров, кинифатов или тубантов, редко, когда не становятся в стену щитов или на острие атакующего клина. Как и все другие, гордящиеся особым положением среди соплеменников.

Недаром, даже само имя особого положения среди соплеменников – «изрсте рей», – на «фриза» означает «первый ряд». И этой святой, но смертельно опасной привилегией гордятся все благородные. Как «по рождению», так и «по чести».

В здешние непростые, но честные времена, даже самые титулованные выходцы из знатных семей появляются на свет с мыслью, что ни один, и не два раза, если будут так добры боги, им нужно будет нанести и принять первый, самый опасный удар.

Для добившихся же рискованной привилегии собственной доблестью и умениями, такое достижение становится первым шагом, как к возвышению рода, так и к ранней смерти на поле боя. Чаще всего в неизвестности и с болью за упущенный шанс.

...Старики рассказывают, что когда-то в этом была простая мудрость. Только предводитель, его родня, дети и самые удачливые из соплеменников имели сберегающие в бою шлем и кольчугу, могли купить грозную секиру или быстрый меч. Остальные обходились кожаными шапками, ненадежными туниками, щитами, копьями, да теми же ножами, что накануне дома резали овец или коз. В те забытые времена, таны и ярлы были не только знаменем племени, но и главной – «бронзовой», а потом и «железной» стеной на пути неприятельских копий, стрел или камней.

Теперь даже отрок из самой бедной семьи, выживший пусть лишь в одной-двух битвах или набегах, почти всегда мог нашить несколько надежных пластин на самые уязвимые места. Имел хотя бы плохонький шлем, мог позволить себе легкий топор вдобавок к копыю и кинжалу.

И тогда, и сейчас, фризы знали и любили луки, некоторые прибрежные роды тренировали умение метнуть камень из пращи, однако победу в бою всегда выясняли, сойдясь лицом к лицу. Впившиеся же, словно клещи, в уходящий огромный и сказочно богатый обоз степняки, были совсем иными.

Бившиеся с аварами много лет, братья-батавы помнили, с какой оскорбительной простотой, многие их отряды поначалу вырезали, ни разу не дав взмахнуть клинком. Встретиться с врагом взглядом накоротке, их соплеменники успевали только перед смертью, когда юркие конные-лучники спешивались, чтобы добить раненных. В остальное время пришельцы ночью и днем предпочитали засыпать стрелами идущих на собственных ногах врагов, да изредка таранить неожиданными ударами знатных копейщиков на быстрых и сильных скакунах.

Восемь лет назад, призвав все, помнящие о родстве прибрежные племена фризов, батавский конунг Абе Упрямый не разбил, но крепко потрепал, и заставил отступить настырных недругов. Поделив брошенный богатый лагерь, родичи-союзники разошлись, но ненависть к давним врагам, а во многих семьях еще и завет кровной мести, остались. И вот уже третий день они щедрой рукой платили за былые обиды...

Глава 1. Неестественный отбор

Земля, где-то над Атлантикой, 26 августа 2017 года

Родители Игоря появились на свет, встретились и завели сына еще при советской власти, а потому не могли не попасть под влияние главного завоевания СССР – внутренней беззаботности. Глупо отрицать, что умершая страна давала людям право взрослеть и созреть как личность, параллельно с выполнением множества социальных функций. Даже таких важных на протяжении тысячелетий, как создание семьи или воспитание детей. Да, Страна Советов любила лазать мозолистой рукой в твои личные дела, но очень трудно и было что называется пропасть в одиночестве. В этом, наверное, и заключалась главная трагедия развала Союза, когда миллионы очень немолодых людей оказались просто не готовы остаться один на один с непридуманной необходимостью выживать в одиночестве.

Но это случилось несколько позднее, а вот когда только женщина, с тягой к фронтальному лидерству, и мужчина, предпочитающий роль «серого кардинала», успели создать семью, характеры пассионариев не могли не высекать искры друг из друга. В итоге первенец уже в садике абсолютно перестал поддаваться всяческой ажитации, да и любым другим внешним аффектам. Правда, нельзя не отметить, только покинув стены тихой сельской школы, ему стало понятно, что лучше всего это «колдунство» защищает от скандалисток.

Еще чуть позже, парень осознал, а в гормонально нестабильной юности смог и облечь в слова другой продукт как прямого, так и ненамеренного семейного воспитания. В стрессовых ситуациях он не впадал в ступор и не начинал необдуманно вздрагивать рефлексам. Его сознание, как бы расширялось и принималось наблюдать за происходящим «со стороны». Тело при этом без сбоев выполняло сигналы по сокращению или расслаблению необходимых групп мышц, умудрялось без писка и взвизгов подавать воздух в диафрагму. Если нужно было драться – он дрался, если достаточно было ответить иронично – острил. Даже всплеск адреналина, после которого сердцебиение учащалось, поры расширялись и прочие постэффекты, приходился в основном на время после «ситуации».

Не удивительно, что проснувшись среди панического взрыва охватившего пассажиров рейса SU150 «Москва – Гавана» и осознав, что происходит нечто совершенно не запланированное, Игорь с холодной отстраненностью отрегулировал ремень безопасности, вовремя надел кислородную маску на себя, помог с этим соседке и дальше четко выполнял все команды экипажа.

Возможно именно поэтому Судьба, Господь Бог или Мистер Случай некоторое время спустя позволили ему одному из немногих очнуться на своем месте в заполняющемся водой хвосте лайнера. То же самое – «стороннее» спокойствие, – как ни странно, продолжило работать и дальше. Оно помогло абсолютно верно прочувствовать мгновение, когда попытка найти живых, среди немногочисленных оставшихся в креслах тел, переходила в прямой и недвусмысленный суицид.

На берег неизвестного озера, в столь же анонимной горной котловине которого и упокоились 237 пассажиров Airbus A330-200, пилоты и стюардессы главного российского авиаперевозчика, выбрались лишь четыре туриста.

Истощенные борьбой за выживание счастливчики на некоторое время замерли, припав спинами к многолетней хвойной подушке, начинавшейся уже в паре метров от стыллой озерной глади. После всего произошедшего, за всеми криками, мольбами и стонами, обычные редкие лесные звуки, отражаясь от воды, ударили по ушам просто оглушительной «тишиной». Спасшиеся мужчины и женщины ненадолго потеряли хоть какую-нибудь возможность связно думать...

* * *

После незапланированной «ледяной» купели, по-южному жгучее солнце, дарило чувство почти животного наслаждения. Наверное, в обычных обстоятельствах, только драный уличный кот на весенней крыше, или затертый безжалостными жерновами судьбы старый бомж, смогут прочувствовать этот градус счастья. Трудно сказать, сколько выжившая четверка пролежали в своем физическом и душевном оцепенении, но люди – существа социальные, – оттого болтливости и молчание не могло продолжаться бесконечно.

– Не сочтите меня излишне старомодным или каким-нибудь снобом, но если девушка грудью исцарапала мне всю спину, я просто обязан спросить, как ее зовут...

Мягкий, чуть хриловатый тенор Игоря зазвучал так неожиданно, что раскинувшаяся рядом юная соседка в первое мгновение вздрогнула, не сумев полностью осознать, о чем собственно идет речь. Мужчина тоже был все еще оглушен произошедшим, и возможно все эти глупые и излишне витиеватые слова стали, наверное, своеобразной броней. Его личной защитой от пережитого страха, промелькнувшей рядом смерти, от накапливающейся душевной боли, из-за всего этого увиденного недавно ужаса...

Еще через немного секунду метаний в попытках осознать прозвучавшие слова, молодая женщина вспомнила... Точно! Перекинув левую руку через плечо, высокий шутник, как невод волочил ее поджарые килограммы последние сто метров по усыпанному камнями мелководью.

Все это стало неким рывком для впавшего в ступор сознания, и уже в следующий миг путешественница осознала: ее собственная грудь от холода изрядно затвердела и сейчас действительно очень вызывающе оттопыривает сосками любимый зеленый, насквозь промокший топ.

Тут же мелькнула чисто женская мысль: возможно именно на эту «икебану» мужчина невидяще и пялился в оцепенении, отчего сейчас неожиданно даже для себя, и настроился на какой-то пасмурно-игривый лад. Смутившись, она попыталась изобразить некий более пристойный образ, но ничего, конечно же, не вышло. Трудно, вот так сразу, из перемешанного пазла размазанной о берег медузы, сложить картину томной тургеневской барышни, целомудренно прилегшей отдохнуть.

– Кстати, может быть и, правда, познакомимся, – продолжил парень уже более серьезно, обращаясь теперь уже ко всем остальным. – Я так понимаю, что в ближайшие несколько часов нам предстоит наслаждаться только обществом друг друга?

– «Милостивый государь» или «милостивая государыня» действительно будет несколько излишне чопорно и не оправданно. После всего вот этого, – прокашлявшись, согласился пожилой сухощавый мужчина с всклокоченной шевелюрой, которая совсем недавно была аккуратно собран в седой пучок...

Иногда люди и сами осознают, насколько странно себя ведут. И при этом, еще и оказываются на некоторое время в ситуации, когда все это понимают, но сделать, ничегошеньки не выходит. Наверное, всем известно чувство неимоверного изумления, что оказавшись рядом с предметом обожания, мы можем вдруг начать нести полнейшую, патентованнейшую чушь. И еще хуже: вдруг замолчать, словно ударенные по голове.

Выживший там, где свою смерть нашло множество более молодых и спортивных, он тоже довольно быстро пришел в себя, и попытался принять более уверенную и достойную позу. Неюный турист уперся каблуками в ближайший камень, немного поелозил конечностями по хвое, и уже через минуту прислонился спиной к переплетению корней ближайшего разлапистого кедра.

Игорь помнил собеседника, сидевшим на пару рядов впереди и, кажется, немного справа. Выглядел при этом, среди расслабленных обладателей шорт, мини-юбок и цветастых футболок, «дед» настоящим образцом стиля и благонравия. Да он и сейчас являл пример сдержанности и самоуважения.

Только рассмотрев, насколько неуверенно тот принялся стягивать некогда белоснежную офисного вида рубашку с короткими рукавами, не пытаясь расстегнуть спасательный жилет, тогда и стало понятно, до какой степени второй мужчина измотан на самом деле.

– Анвар. Анвар Гарипов. Глава архитектурного отдела компании «Стройпроект». Немного не долетел на встречу с богатым русскоязычным заказчиком, который пригласил на пару-тройку дней отдохнуть за его счет ...на острове Кайо Коко¹, – снова поддержал ироничный тон собеседник. – Вот, полюбовался на кубинские красоты, старый дурень.

Несколькими хлопками пожилой стянул самые крупные куски мусора с некогда идеально выглаженных светло-серых брюк.

– Все будет по первому классу, тяпнешь рому, приударишь за какой-нибудь шоколадкой, фламингов посмотришь! – проговорил архитектор, явно передразнивая кого-то, но не зло, а скорее как-то задумчиво.

– Да бросьте вы! Старый-то ладно, если уж так хочется, но только почему «дурень»? Скорее уж «родившийся в рубашке везунчик». Самолет-то был битком, да и летело сотни две с половиной, а нас тут только четверо. Выживание минимум – один к шестидесяти... Я о себе, конечно, высокого мнения, но по мне, так это какой-то не совсем «естественный отбор». Дело, думаю, и правда, в везении...

Все одновременно обернулись в сторону, где совсем недавно смогли покинуть многострадальный Airbus. Именно в этот момент многотонный кусок прежних \$220 млн, очевидно, наконец набрал не предусмотренный конструкцией объем воды, как-то быстро сполз с края отмели в глубину. От самолета ни осталось и следа.

Некоторое время о трагедии напоминало только оглушительная безысходность и неимоверное удивление на лицах туристов. Казалось каждый из спасшихся, пытается совместить ощущение мелких камней впивающихся в начавшие оттаивать бедра и спины, и понимание, что им удалось уцелеть, упав со страшной высоты на огромной скорости².

На берегу снова повисла тишина, прерываемая лишь едва заметным шипением волн, наверное, уже тысячи лет, прилежно перебирающих прибрежный щебень. Попытки каких-то невидимых пичуг пересвистать это, засчитаны не были, поэтому следующим нарушителем тишины, стал полувсхлип – полустон попытавшейся распрямиться четвертой выжившей.

– Наташа. Наталья Викторовна Савенкова, – сообщила довольно миловидная женщина лет 35-40, неизвестно каким чудом сохранившая на носу очки в тонкой металлической оправе, явно с диоптриями. – Мне в позапрошлом году очень понравилось на Кубе, вот решила еще и коллег из бухгалтерии уговорить слетать...

Все это она сообщила густым хриплым голосом, пытаясь одновременно собрать в пучок тугую копну крашенных темно-рыжих волос. В процессе женщина успела аккуратно снять и сложить спасательный жилет, разместить сверху странное воздушное сооружение кремовой расцветки, служившее то ли рубашкой, то ли просто накидкой, и устроить тугой, во всех смыслах выдающийся тыл, на плоском обломке дерева, найденном тут же.

К моменту, когда автобиографичный монолог дошел до сообщения, что в Москве у нее 17-летняя дочь-студентка, бухгалтер осталась в черных утягивающих бриджах чуть ниже колен и такой же спортивного вида футболке.

Вызывающе обширный лиф вырвал из самоуглубленности даже немолодого архитектора. Аккуратные похлопывания и поглаживания, которыми Наталья пыталась очистить налипший

¹ Кайо Коко – живописный остров-курорт в центральном районе Кубы. Является заповедной территорией с нетронутой цивилизацией природой. Местные дикие экзотические леса, покрывающие большую часть острова, приютили множество прекрасных птиц, среди которых встречаются пеликаны, розовые фламинго и белоснежные Коко, которые и дали название острову.

² Крейсерская скорость Airbus A330-200 равна 925 км/час, а эксплуатационный потолок – 11 900 метрам.

мусор с тугих бедер и выдающегося зада, кристаллизовали внимание бывших пассажиров, вне зависимости от пола и возраста.

Окончательно пришедший в себя после всех этих эскапад Игорь, глядя на своих спутников, вдруг откровенно и заливисто расхохотался, чем сначала привлек удивленные взгляды, а затем, заставил изрядно смутиться, как минимум двух участников заседания «комитета по спасению».

– Меня зовут Игорь. В совсем зеленой юности, приняв загадочный вид, всегда говорил, что работаю клерком, но сейчас мне 29, да и среди таких интеллигентных людей не до кокетства, поэтому признаюсь, как на духу: тружусь журналистом в областной газете в Подмоскowie. На Кубу летел впервые и, не стану скрывать, как раз, чтобы отведать местного «шоколаду», – приложив правую руку к сердцу, докладчик «покаянно» склонил стриженную накоротко голову с примерно сантиметровым ежиком, в обрамлении небольшой аккуратной бороды.

Снова рассмеялся, он добавил, что «не знает, откуда такая странная тяга при эдакой-то выдающейся красоте наших женщин, но он очень не любит себе отказывать в небольших удовольствиях».

На этот раз переборовшие смущение участники поддержали веселье не удивленными взглядами, а как минимум улыбками или в случае с носительницей обсуждаемого бюста, вполне искренним смехом.

На фоне многих десятков погибших соседей и даже знакомых, выглядело это странно, но что сейчас могло быть вообще не «странным»?! Смерть прошла так близко, что даже просто неподвижно сидеть на чуть влажном озерном песку, уже было удивительно и «странно»...

– Наверное, в юности перечитал всех этих пиратских книг с блестящими испанками и горячими мулатками, – продолжил Игорь, наверное, физически неспособный сейчас молчать. – Кстати, я так понимаю, что вы у нас остались одна пусть прекрасная, но по-прежнему незнакомка, – снова обратился он к самой юной выжившей. – Инкогнито, без всякого сомнения, ваше право, но вдруг мы сейчас добудем чего поесть, а вас даже не знаю, как пригласить к теоретически возможной трапезе...

– Катя. Екатерина Матвеева, – девушка изобразила некий вариант сидячего книксена. – Сама – из Нижнего Новгорода, но в Москве почти три года проработала торговым представителем. Выиграла сертификат на тысячу долларов в турагентстве, где мы с подругами два года подряд брали путевки в Турцию. Ну, вот и... слетала. Хорошо, хоть маршрут этот заметно дороже, чем мы привыкли, поэтому полетела одна.

Улыбки снова пропали с лиц незадачливых путешественников и одновременно потрясающих счастливиц. На берегу в третий раз после высадки повисла тишина. Но на этот раз ее власть была недолгой.

* * *

– Слушайте, как все произошло? А то я проснулся только когда народ начал кричать, – Игорь опустил взгляд и тихо, как бы про себя, добавил. – Царствие им Небесное! Жили, как попало, и померли, как пришлось. Всего и «хорошего», что хоть лежать будут в красивом месте...

Туристы снова дружно посмотрели сначала на давно покинувшее зенит солнце, а потом их взгляды уперлись в ближайший – западный склон вполне живописной и уютной, если бы ни недавняя трагедия, горной котловины. Действительно, нельзя было не признать, что место оказалось, не лишено очарования. Не смотря ни на что.

Едва слышный шепот волн, вытянутого с севера на юг озера, шириной почти в 400-450 метров в самом узком месте, одуряющий хвойный аромат, занявших в котловине все свободное место сосен, кедров или каких-то их ближайших родственников. И все это на фоне величественных гор, часть из которых могла похвастаться модными белыми шапками.

– Я, наверное, видела самое начало. Как раз смотрела сквозь разрыв в облаках на океан, и вдруг откуда-то снизу ударил столб какого-то темно-зеленого света. Вы знаете, по-моему, он был намного шире даже самолета, и мне почему-то еще ненадолго стало как-то нехорошо, – вспомнила Наталья. – А потом Airbus повело в сторону, люди начали очень сильно кричать, ну и все завертелось. И в прямом смысле слова тоже: я, по-моему, ненадолго все-таки потеряла сознание...

Недолгое обсуждение выяснило, что еще двое ничего такого не почувствовали, но народ на некоторое время дружно принялся размышлять. Вроде бы все это было очень важно, но разговор постепенно сместился к более насущному. Все в рамках национальных традиций: от «Кто виноват?» до «Что делать?»

– Судя по положению солнца, время давно перевалило за вторую половину дня. Интересно, нас уже ищут, – первым озвучил вслух свои размышления Анвар.

– Знаете, а ведь обломки утонули, огня или дыма получается, нет и, судя по высоте западного склона, довольно скоро мы окажемся сначала в тени, а потом и вообще в темноте. Даже если спасатели будут искать самолет всю ночь, нас вряд ли кто заметит, – спустя очередную молчаливую паузу, поделился наблюдениями уже Игорь.

«Блин, а жрать-то, как хочется! Надо было все-таки умять чего-нибудь, когда предлагали после скандинавских краев», – тут же укорил его внутренний голос, и возразить этому мечтателю оказалось, конечно же, нечего.

– Народ, судя по тому, что пока никаких спасателей не предвидится, как минимум ночевать – придется. Может, что придумаем? Ножей, топоров и пил, понятно, не жду, но курильщики-то уж наверняка есть?

Анвар развел руками, Катя похлопала по отсутствующим карманам и, взгляды снова сосредоточились на выдающейся фигуре бухгалтера. Правда, на этот раз примечательной не женскими особенностями, а черной поясной сумкой на талии. Наверное, Наталья, все-таки подхватила от них этот странных «иронический вирус клоунады». С видом заправского факира, она одним движением расстегнула замок, и извлекла на свет тонкую продолговатую сигаретную пачку. Чего-то облегченного синего и обычную пластиковую зажигалку с сакральной в такое мгновение надписью «Ашан».

– Па-ба-ба-бам-м! – подхрипела она, и неловко хихикнула, удивленная собственным ребячеством.

– Наташа, не могу не зафиксировать для потомков, что вы в нашем коллективе являетесь олицетворением предусмотрительности. Если на этом месте будет запланирован памятник Настоящей Русской Женщине, ну, знаете, которая подступающий колотун остановит и из горящего самолета выйдет, в моем голосе по поводу своей кандидатуры можете быть абсолютно уверены! – Анвар, не вставая, чуть приподнялся, наклонил голову, изобразил эдакое мушкетерское помахивания шляпой с пером.

Счетовод снова поддержала общий настрой: в ответ женщина собрала губы в вычурный бантик, выпрямилась, сидя на своей деревяшке, гордо вскинула подбородок, и ответила виртуальным обмахиванием веером. Местное эхо подхватило, и еще долго перебрасывало от берега к берегу залиvistый четырехголосный хохот.

Каждый в этот момент думал, что с ним что-то не так, но остановится, не мог. В этом дурацком цирке на четверых, было далеко не так страшно, как остаться наедине с собственными мыслями у холодного горного озера, ставшего огромной братской могилой...

* * *

Лагерь решили разбить здесь же – неподалеку от воды.

Пристроившись с западной стороны огромного валуна, в незапамятные времена доставленного сюда, скорее всего, ледником. К подступающей темноте «потеряльцы» стащили приличную кучу дров, разожгли костер, а из снесенных куском оторванного крыла сосновых маку-

шек, выложили что-то напоминающее хвойный диван. Чтобы по отдельности не замерзнуть без одеял, спать решили плечом к плечу.

Действительно, на берег они выбрались около 16.15-16.20, но к окончанию немудреных хозработ, стало заметно темнее. Пока женская часть отошла, чтобы немного привести себя в порядок, мужчины ненадолго остались одни.

Анвар, ожидая своей очереди к водным процедурам, все равно оттирал сухими иголками руки от сосновой смолы. Его напарник в это время пристроил в полыхающее пламя комли³ двух засохших сосенок и, сначала более массивный, а потом и тонкий край одной, почти полутора метровой ровной ветки из свежесрубленных. Время от времени он то крутил палки, на манер шампуров, то засовывал сильнее, то наоборот, практически вытаскивал из огня. Столь целеустремленный вид, наконец, привлек внимание архитектора.

– Игорь, а что это будет?

– Вы бывали раньше в южном полушарии Земли?

– Знаешь, во времена юности было как-то непринято, потом стало очень важно просто выжить. Мы же уехали в Россию из Узбекистана перед самым развалом Союза. В 1989-ом⁴ рванули, в чем пришлось. Нет, конечно, не голодали, но сначала время было такое, что купить нормальные ботинки – и то нужно было постараться, подкопить хоть на какой-нибудь ремонт – тоже проблема. Потом вроде бы начал заниматься бизнесом, и денег временами было очень много, но ездить предпочитал по бывшему СССР. Когда прогорел... В общем, к 2000-ым жизнь вроде устаканилась, но честно говоря, по-прежнему как-то не до того было. А может, дело было в изначальном отсутствии такой привычки? В общем, не нажил. Поэтому – нет, ни на Земле, ни на какой другой планете в южном полушарии, я не был.

– Теперь уж с этим-то у вас все нормально.

– И не говори, сподобился наконец-то, – Анвар рассмеялся. – Подожди а...

– ...хорошо, продолжу мысль. Так вот: некоторое время все мы были без сознания, поэтому самолет мог, как остаться в северном, так и улететь в южное полушарие. Сам я, до недавнего времени, тоже так далеко «на югах» не был. И географ из меня – так себе, но все это детско-юношеское приключенческое чтение «до добра не доводит», а потому точно знаю: ночное небо в южном полушарии отличается созвездиями. Самые примечательные в северном – это всем известные Большая и Малая медведицы, а вот здесь – мы должны были увидеть так называемый Южный Крест.

– Должны были... и где он? – запрокинул голову пожилой.

– На этот вопрос я ответить пока не смогу. Может быть, просто образование не то, но понимаете, какое странное дело, это «Крест» – созвездие очень узнаваемое, а я его не нашел. Но если предположить, что после аварии самолет остался в северном полушарии, что тоже согласитесь вариант, то я не нашел и Медведиц, – Игорь немного помолчал. – И это если отбросить переживания, по поводу куда-то пропавших самолетов, спутников всяких там метеозондов. Сейчас же ночь, небо от них просто светиться должно.

– И что думаешь?

– Переживаю, что от сегодняшних приключений, у меня окончательно хрустнула «кукушка», и готовлюсь завтра порыбачить.

– Мы сейчас тоже обсуждали, про самолеты и спутники, – неожиданно из темноты раздался голос Натальи. – Вот, дырявая голова, про Южный Крест даже не вспомнила, а ведь в прошлогоднюю поездку нам что-то такое говорили во время ночной экскурсии...

– И?

³ Комель – нижняя часть дерева или растения, непосредственно над корнем и корневищем; чаще всего имеет более плотную структуру, чем остальная часть ствола.

⁴ Ферганские погромы – в мае-июне 1989 года в Ферганской области Узбекской ССР, произошли межэтнические столкновения между узбеками и турками-месхетинцами.

– Не нашла*.

* Автор в курсе, что Куба тоже находится в Северном полушарии. И «да», Наталья в своем последнем предположении ошибается, но что вы хотите от не юной женщины? Не географией же одинокий человек ездит «заниматься» по далеким теплым странам. Игорь – в данном случае тоже не специалист, поэтому в обычном – неидеальном мире, тоже может ошибаться. Сейчас, на берегу озера, он всего лишь пытается подтолкнуть собеседника к мысли: улети самолет в иное полушарие, или останься в прежнем, ночное небо все равно выглядело бы иначе.

* * *

Гигиенические процедуры заняли утром немного времени. Было, во-первых, слишком рано и оттого – холодно, во-вторых, горные озера далеко «не джакузи» даже в самый солнцепек.

О звучавших накануне сомнениях путешественники молчаливо решили не вспоминать. Пока. Не обсуждали и куда-то запропавших спасателей. Подмерзшие и немного помятые туристы быстро ополоснулись и, согреваясь у огня, не менее единодушно сошлись во мнении, что «очень есть хочется». В итоге группа разделилась.

Женщины, в сопровождении Анвара, побрели куцей цепочкой вокруг озера, чтобы попытаться прочесать берег в поисках гнезд с яйцами или запасами прошлогодних шишек. В общем, любых источников калорий. А Игорь пообещал изобразить первобытного рыбака.

Пристроив более тонкий конец одного из принесенных накануне стволов на плоский край валуна, он двумя ударами тяжелого камня раздробил его на разной толщины острые щепки. Вставив между ними несколько плоских обломков, он получил нечто похожее на примитивную острогу. Когда через три-три с половиной часа собиратели обогнули озеро против часовой стрелки, они застали Игоря в попытках согреться. Сидя у костра, продрогший рыбак старательно подвигивал вымытые до скрипа пятки. Время от времени он начинал снова поцокивать зубами, и тогда ноги почти скрывались в огне.

– Ну, ничего, мы тут яиц прилично нашли. Большей частью грабили, наверное, чаек, бакланов или кого-то такого, но есть и шесть штук, отобранных Натальей Викторовной у небольшой серой птички с черно-белыми полосами на крыльях. Анвар назвал ее «горной куропаткой», – сообщила Катя. – Так что сейчас устроим пир.

– О, то есть рыбу жарить не будем? – изобразил недоумение Игорь. – С другой стороны – и правильно, все равно соли нет...

Рассмеявшись, глядя на удивленные лица спутников, он еще пару раз потер чуть побелевшие в воде ступни и признался, что всего минут десять, как прибежал греться, потому что не смог больше сидеть в ледяной воде.

– Тут, оказывается, есть довольно солидная форель. Совершенно непуганая, – натянув успевшие высохнуть после вчерашних приключений полукеды, он взмахнул приглашающе правой рукой, но отправился не к берегу, а вокруг валуна, в тени которого путешественники накануне и решили устраивать лагерь. – Пойдемте, буду хвастаться!

Обсуждая вчера, где возле камня селиться, высокие шансы на победу имел вариант с восточной стороной. Но победил все же аргумент, что ночным существам вроде современных горожан, вставать с восходом солнца может быть и полезно, но «ну его на фиг!» Поэтому небольшая сухая пещерка почти метр глубиной, с противоположной стороны от лагеря, вчера осталась невостребованной.

Сегодня же, ее «пол» украсила охапка широких стеблей папоротника, надранных рядом, а поверху была пристроена «Добыча». Ну а как иначе назвать солидную, всю в темных крапинах гладкую рыбку по единодушному мнению в пять, а может и в семь килограмм весом?

Когда восторженные эпитеты начали повторяться, Анвар заявил, что рыбу пора жарить, и пошагал в сторону ближайших деревьев.

Во время катастрофы обломок самолета снес и раздробил стволы нескольких деревьев, но сам потом улетел в воду. Однако осталось много острой щепы, кусков дерева и прочих полезных вещей.

Вернувшись, минут через десять, архитектор вывалил кучу таких «инструментов» и принялся в доисторическом стиле пилить ими тушку. Выяснилось, что некоторые щепки не хуже ножа могут вскрывать рыбье брюхо, а если хорошо подпилить голову, то хребет ей можно легко переломить, и еще минут за пять, даже деревяшкой, стянуть с форели кожу вместе с чешуей. Форель в итоге напоминала, конечно, жертву начинающего маньяка, но как было признано на совете племени – вполне годилась в пищу.

Рыбину насадили на длинную ветку. Собрав по краям почти прогоревшего костра две горки плоских камней, туда приспособили импровизированный шампур и принялись с завидной регулярностью его поворачивать. Даже самому наивному гурману было понятно, что без привычного набора специй и приспособлений, героических свершений ждать не стоит, однако потрескивание, вспышки горящих капель жира и одуряющий запах от костра, вызывал бешеное слюноотделение.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Игорю предложили рассказать все подробности «поединка», и тот в процессе описания титанического подвига, легко признался, что пробродил большую часть времени совершенно зря.

– Где-то читал, что озерная форель предпочитает глубины. И правда, на мелководье шуршит в основном какая-то мелочь, тыкать в которую импровизированной остройгой было дело пустое. Поэтому решил пристроиться метров за двадцать от берега на подходящем плоском камне, ну и стал ждать в надежде, что кто-нибудь... покрупнее погонится за мальками, и вот тут-то я его и... подловлю.

Как ни странно, все получилось неожиданно удачно, правда, совсем не так, как задумывалось.

– Дважды была вроде подходящая возможность, но раз я откровенно зевнул, а второй – промахнулся. Сижу, думаю, ну вот, мол, порыбачил, что делать? И тут стаю какой-то очередной мелочевки попытался атаковать вот этот громила, – Игорь с гордостью кивнул на подрубленную тушу. – Так мне обидно стало, представил: сейчас опять не попаду, вдруг и вы пустыми вернетесь, что есть будем, – журналист взял трагическую паузу.

– И, и что, и как? – тут же отозвалась более нетерпеливая Катя.

– Зло меня взяло, и когда эта гадина оказалась на расстоянии удара, я ее остройгой не как копьем ткнул, а размахнулся и на манер дубины: ка-а-ак врежу. То ли все же зацепил, то ли просто испугал, но он такой – круть, – резко в сторону, и получилось, прямо мне под ноги... Я на него и рухнул. Там неглубоко, прижал, как родного, потом, за жабры и раз! Не помню, как на берегу оказался. Во мне сто кг живого веса, а это чудище «морское» рвется, да еще и вода рядом, боюсь не удержать... Подхватил какой-то голыш, ну и хрясть его по кумполу.

– Да сколько можно, давайте уже есть! Второй день только воду пьем, – потребовала Наталья, спустя минут сорок всевозможных попыток не говорить о еде.

Предложение было встречено чутьочку нервозным, но одобрительным хохотом. Больше почти четверть часа ничего кроме урчащих звуков слышно не было. «Урчащих»? ну это такие, издаваемые организмом шумы, когда он пытается голыми пальцами оторвать и проглотить кусок жирной горячей, и исходящей паром форели.

Казалось от приличного размера туши вряд ли останется даже оглоданный позвоночник. Но нет, один за другим туристы отползали в сторону, и удачливый добытчик, кстати, сдался последним. Несмотря на все усилия, кусок хвоста весом в килограмм-полтора, остался практически нетронутым. Только к полудню раздавленные сытостью туристы пришли в себя, запекли все четыре с половиной десятка яиц, замотали останки форели в листья, и решили выбираться к людям.

Принесенные из утреннего набега продукты не обошлись без сюрпризов.

То одно, то другое яйцо в огне трескалось, и начинало издавать не самые аппетитные запахи. Особенно на сытый желудок. Правда, прошедшая ночь что-то в людях все-таки изменила. Казалось, они лишь по привычке стараются изобразить отвращение. Даже лопнувшее крупное яйцо с почти сформировавшимся птенцом, не придало спектаклю убедительности.

Может еще и потому, что все они молча согласились, что ждать спасателей здесь – не станут. «Дадут им шанс выручить по дороге к людям». Вариант, что ни МЧС, ни самих людей здесь может просто не быть, озвучен не был. Хотя подумали об этом все. Но такие версии могли убить даже зачатки оптимизма, что в сложившихся обстоятельствах было ни к чему.

В процессе переваривания, женщины оказались изрядно удивлены, когда Игорь вышел на самый солнцепек, воткнул более-менее прямую ветку в ровный кусок грунта, и предложил дожидаться момента, когда солнце окажется в зените. То есть полного отсутствия тени.

На закономерный вопрос «а нафига?», он не без удовольствия пояснил, что это позволит высчитать и перевести наручные часы на здешние «12.00».

– Согласитесь, удобнее «завести» электронные часы Анвара на привычные шесть утра, если например, планируешь проснуться с восходом, чем пытаться угадать, а насколько же нужно настраивать «будильник»? На предположительное «парижское» или еще менее нужное «московское» время? Просыпаться-то и брести предстоит пока здесь.

Поскольку вариант движения, не связанный со штурмом обрывистых склонов, был всего один, настолько простой «безынтенетный» способ выставлять время, вызвал не в пример более бурное обсуждение, чем расставание с местом, где они получили второе рождение.

Временную стоянку оставили ровно через час после того, как изготовленный на скорую руку солнечный «будильник» показал полдень. Дорога лежала на северо-запад. Вдоль по-прежнему безымянной горной речушки, берущей начало в озере, едва не ставшем им могилой.

* * *

Ахкияр, тронный зал крепости Эверберг⁵. Полночь

В огромном помещении, на первый взгляд слишком пустом для двух человек, уже полчаса шел спор. Тени от факела, установленного рядом с тронным возвышением, скрывали за пределами светового круга все, кроме гулко-го эха. Больше всего горячился массивный воин в дорогой кольчуге и с длинным кавалерийским мечом-спатой на поясе. Забывшись, он время от времени эмоционально вскакивал и миниатюрная, по сравнению с ним скамейка, от таких фокусов постоянно отлетала на пару шагов. Тогда смущенный здоровяк ставил на место ни в чем ни повинную мебель, и начинал, то тереть коротко стриженный череп, то пытаться разглядеть тяжелые надбровные дуги, то рубить взмахами правой, ни в чем не повинный воздух.

– Дитмар, – мягко прервал очередной спич, сидящий на троне. – Твой отец служил моему роду всю свою жизнь. Он был не только воином, но и другом. Ты – ведешь мою дружину уже двенадцатое лето, и я всегда рад засидеться с тобой за кубком вина, эля, или даже этой сладкой рисовой гадости, что делают бывшие хозяева наших земель. Но сейчас уже поздно. День был длинный, а завтра я хочу выехать на рассвете.

– ...но, господин!

– Постой, – взмахнул ярл тускло сверкнувшим желтым кубком, – я доверяю твоему мнению, поэтому призову три дюжины хускарлов из шести. Со мной пойдут два бонда опытные в скрадывании дичи с братьями и старшими из сыновей. Вместе с ними нас будет более сорока. Этого достаточно, поэтому давай еще раз о том, что именно видела стража угольной шахты.

⁵ Эверберг (древнегерм. [ever-leburg-] вепрь, дикий кабан + [-berg] гора) – Вепрева гора, крепость, строительство которой было начато 40 лет назад. Готское племя ивингов, считающих себя потомками Дикого Кабана, возвело полноценное укрепление на необжитой части своих земель. Суффикс [-инг/-унг] служит в германских языках для обозначения родовой связи, общности происхождения (Каролинги, Меровинги, Нибелунги и т.д.).

Сколько из них это видели своими глазами, и постарайся отделить рассказ оттого, что эти дурни себе напридумывали позже. Пока обсуждали...

Осознав, что решение принято, и изменить его не получится, названный «Дитмаром» успокоился, снова сел на табурет, поерзал, устраиваясь удобнее, и на мгновение задумался.

– Если бы все это высмотрел только кто-то из стражей, десятник Харманн⁶, сам знаешь, стар, но по-прежнему скор на руку. Он просто отдубасил бы остолопа ножами или древком его же собственного копья, – на губах мужчин всплыли практически зеркальные усмешки: когда-то они оба учились воинскому мастерству у лучшего мечника племени, и немало натерпелись от него за свой несносный характер. – Но гонец подчеркнул, дракона видели и оба дозорных, и сам старина Харм, и сменщики, которых он вел.

– Хорошо, давай про самого «многоглазого дракона»!

– Он был большой. Очень большой. Почти весь серый, хотя скорее цвета стали, но брюхо темно-синее. Летел быстро. Много быстрее, чем птицы и, гонец подчеркнул, не взмахивал крыльями, а держал их ровно. Как будто собирался сесть или падал...

– А что там с «глазами»?

– Парень сказал, что от самой морды и почти до хвоста, у него целый ряд одинаковых круглых глаз. Правда, сам он уверен, что это были не глаза, а ряд особенно крупной светлой чешуи... Может гонца все-таки разбудить?

– Брось, нам завтра вместе скакать почти до полудня – еще наговорюсь. Половину отряда посадим верхом, половину в колесницы, которые пригодятся на случай ранений. Возьму его с собой возницей и расспрошу по дороге. Ладно, иди отдыхать, я скоро тоже пойду.

Ярл Эрвин Сильный, ведущий ивингов вот уже тридцать второй год, остался наедине со своими мыслями. Некоторое время он решал все ли предусмотрел, но в итоге один из телохранителей подхватил факел, и правитель отправился спать. Оставив темноту и тишину присматривать за резным, украшенным грозной кабаньей головой, трон.

* * *

Два с половиной дня пути через сплошной бурелом или нагромождения камней дались непросто. Сжавшееся из-за летней жары русло, оставляло пыльные следы на телах, одежде и душах бывших пассажиров рейса SU150. В это время, если чего и было вдоволь, так это трудностей и питьевой воды. Всего остального не хватало: комфорта, то тепла, то прохлады и, самое главное – еды.

Разделив вчера остатки запасов на ужин, к завтраку оставили лишь четыре яйца. На этот раз никто даже не произнес традиционную шутку про будущее кукареканье из-за такой диеты. Всем было понятно и без слов: еще пару дней при нынешних запасах, и сил хватит лишь на то, чтобы умереть.

Еще вчера людей разделило неторопливое, наполненное внутренними монологами, молчание. Они погрузились в перебирание того, что могло бы случиться, могло бы не случиться, хотелось бы, чтоб случилось. Лишь время от времени, обманутые тишиной и внешней сдержанностью окружающих, они пытались успокоить себя мыслями о том, что другие-то терпят. Но со стороны все выглядело еще хуже.

Заострившиеся лица, чуть подранная одежда, и настолько крошечные остатки самоуважения, что большинству его хватило, чтобы накануне лишь слегка потереть мокрыми руками лицо перед сном. Вечером Игорь единственный еще смог заставить себя ополоснуться целиком, но уже на утро этот подвиг оказался недоступен никому.

Замерзшие, после очередной ночи в горах, туристы с трудом заставили себя погрузить ладони в ледяную воду и теперь уже все ограничились скорее лишь ритуальным омовением.

⁶ Харманд (древнегерм. [heri-] войско + [-mann] человек) – Воинственный, краткие формы – Херм, Харм, Маннес.

Последние четыре яйца лишь чуть притупили голод. А впереди был длинный, наполненный лишь жарой и упрямством день.

...Ближе к обеду выяснилось, что настойчивым, Судьба иногда способна приготовить и небольшие послабления. Выжившие туристы достигли участка лишённого густых зарослей, завалов из старых деревьев или труднопроходимых нагромождений камней. Идти стало заметно легче, и настроение сразу заметно улучшилось. По молчаливому уговору, народ даже решил немножко сдвинуть время очередного привала.

«Вот ведь штука какая, четвертую ночь спим полураздетые, практически в обнимку, а только сегодня вдруг это осознал. Хорошо Катерина проснулась после меня – вот бы неловко получилось, если бы она поняла, чем таким твердым я в нее упираюсь. Да, ем все хуже но, по-моему, все-таки втянулся в этот дурацкий ритм, – идущий первым Игорь остановился, и скользнул подчеркнуто равнодушным взглядом по выпуклостям утомленных, но как выяснилось снова привлекательных соседок. – Мне бы сейчас чутко пожрать и я бы, наверное, даже чего-то смог».

Эта мысль показалась ему настолько странной и одновременно забавной, что парень не выдержал и рассмеялся. На слабо заинтересованные взгляды остальных, он опять улыбнулся, и обозначил взмахи головой из стороны в сторону, мол, нет, не переживайте, если и схожу с ума, то пока это не опасно. Собравшись – журналист снова возглавить колонну.

Однако Игорь не смог удержаться, и напоследок, снова смазал заинтересованным взглядом по телам женщин. Теперь уже остановив эротический «дрифт» персонально на Кате. Она как раз наклонилась, чтобы то ли просто поправить, то ли просто проверить растрепавшиеся шнурки.

«Ой! – скромный «эротоман» перехватил встречный взгляд, и немного внутренне смутился, но не стал суетить. – А чего это она вдруг раскраснелась-то?! Кажись, кое-кто сегодня проснулся намного раньше, чем я думал...»

Если бы кто не чуждый телепатии, оказался рядом и заглянул в мысли симпатичной коллеги по путешествию, он бы легко подтвердил догадку. С другой стороны, ну должны же у людей быть свои маленькие тайны? Эта незамысловатая пикантность осталась не озвученной.

* * *

Ущелье Сырая расселина⁷, полдень

На короткий отдых дружинники и бонды-охотники ярла Эрвина устроились, всего в паре часов неторопливой ходьбы от входа в ущелье. Легкий перекус и несколько сдержанных глотков воды, должны были поддержать силы до длинного вечернего привала. Но не успели они развязать заплечные мешки и котомки, как на широкую поляну выбежали два воина в одинаковых кожаных доспехах.

Без щитов, но с ростовыми копьями и очень схоже украшенными топорами на поясах. Сило заглянуть в их лица, и любой бы обратил внимание: они близки друг другу, как две капли воды. Просто с разницей в возрасте лет в двадцать. Все подходы к привалу, просматривались, а значит – это были точно не враги.

– Ярл, где ярл Эрвин! – требовательно произнес старший. – Это важно!

– Я здесь, Гослин⁸, слушаю тебя.

– Господин, думаю, что сейчас янгоны уже стали на наш след, – старший из охотников обогнул какой-то развесистый куст, и опустился перед своим предводителем на колено.

– Сколько их?

⁷ Сырая расселина (янгон. «Оу тхаб») – проход в горном хребте и равнина перед выходом из ущелья, на долгое время непроходимые после весеннего таяния снегов в горах. При этом в самом ущелье от берега до берега заполняется лишь русло скромной, в остальное время года, речушки.

⁸ Гослин (древнегерм. [gaut, got] гот) – Из готов, родом из племени готов, из которого некогда и выделились ивинги.

– Вдвое больше нас, и это хорошие воины. Все кого мы рассмотрели в броне. У шестерых – панцири из бронзовых пластин, стеганные⁹ рубахи или кожаные куртки у всех остальных. Шлемы – более чем у половины. И у них много опытных воев – не меньше двух дюжин носят мечи... И, ярл, двух видели в хороших кольчугах и шлемах со звериными личинами...

– ...ты сказал «в кольчугах»?

– Да, ярл, кольчуги до колен, длинные рукава, железные вставки от ладони до локтя, на груди, животе, и за ними несли шлемы с железными личинами. Все как и должно... Двух жрецов¹⁰ и я, и сын – мы видели доподлинно!

– Когда они будут здесь?

– Не верю, что смогут дойти быстрее, чем мы. Вверх по осыпи отряд не проведешь, потому им тоже придется обходить по склонам. Дальше тропа прямая, но опытные рейдеры не станут бежать перед битвой...

– Значит не раньше заката или на рассвете, – ярл окинул задумчивым взглядом обступивших его воинов, и нашел старшего из трех дружинников взятых из охраны угольной шахты и лично видевших «дракона». – Десятник Харманд сказал, что хорошо знаете здешние тропы, а ходил ли кто из вас именно сюда?

– Да, господин, два лета назад я был среди тех, кто ловил воров побивших купцов на твоих землях. Мы нагнали их у озера, что еще дальше – в трех днях пути в глубине хребта, и там посекли.

– Подумай, есть ли рядом с нами место, где мы могли бы надежно перекрыть проход, и чтобы нас не сумели обойти?

– Да, ярл, это совсем близко – две тысячи ударов сердца¹¹ и мы на месте. Там ущелье уже всего и сходятся два русла. По новому, вверх не забраться из-за воды, а старое – сухое, и шириной всего десять шагов. Им придется биться лоб в лоб.

– Мы уходим!

* * *

На четвертую, с момента аварии, ночевку, встать решили немного раньше, чем обычно. Часам к восьми вечера путешественники уже заняли довольно уютный кусок берега. В этом месте ручей разлился практически от стены до стены ущелья и превращался во вполне солидную горную речушку. Все, конечно же, нуждались в отдыхе, но основной причиной внеплановой остановки стала не усталость или местные красоты, а еда. Перспективное место случайно обнаружила Наталья.

Не смотря на отупляющую ходьбу в течение почти семи с половиной часов, ее внимание привлекли лежащие на мелководье странные, темно-коричневые, почти черные и какие-то удлиненно-овальные камни. Очень похожие друг на друга, не смотря на разнообразие размеров.

Уже практически собравшись брести дальше, она вдруг издала какой-то особенно звонкий хрип – сродни подстреленному аккордеону, – и вот спустя час туристы сидят вокруг здорового костра. В ожидании углей и раскаленных булыжников, а рядом своей судьбы дожидаются почти два десятка отмытых крупных 15-18-сантиметровых двустворчатых речных моллюсков.

⁹ Стёганка – доспешная одежда из множества слоев ткани, нередко набитая (в зависимости от региона) паклей, ватой, конским волосом и иногда пропитанная солью. В зависимости от эпохи, региона и сословия считалась либо доспехом, либо поддоспешником.

¹⁰ Воины-жрецы – служители янгонского бога войны Дхар Кайшина (Дхарр ко Айшинн – Хозяин мечей), по праву считаются лучшими бойцами этой части Ойкумены, однако серьезного влияния на противостояние с фризами не оказали. Ни в одной битве, за более чем 2000-летний конфликт, не упоминаются более 24 жрецов одновременно.

¹¹ Тысяча ударов сердца – около 14 минут; принято считать, что нормальная частота сокращения сердечной мышцы для здорового человека среднего возраста – 72 удара в минуту.

Идея жарки неожиданных трофеев выглядела незамысловато.

Импровизированную плиту собрали из уложенных плотными рядами плоских камней, которые сначала нагрели с помощью разожженного на них же костра, а затем, все смели, но саму жаровню обложили со всех сторон, горящими сосновыми углями.

И идея себя полностью оправдала. Плотно сжатые раковины довольно быстро открылись, и – добро пожаловать к столу! Тот-то и выяснилось, что если утром съесть по небольшому вареному яйцу, а после этого почти весь день шагать по жару, небольшие плоские кусочки сомнительного «мяса» идут на ура. Даже без соли, всяких там изысков вроде лимонов, и прочих благ цивилизации. «Диета из ледяной воды – еда не замена!» – иронично заметил Игорь, еще в самом начале эксперимента.

– О, Господи, ну какая же я была дура! – патетическое заявление Катерина произнесла чуточку лениво, без надрывных нот в голосе, и с выражением на лице, не позволяющим даже намека на хоть какую-нибудь самокритичность. – Это же такое счастье, поесть «после шести...»

– ...да и после 9.23, – предположил Игорь, глянув на часы, – а если чего-то осталось, то и все остальное сожрать, не утомляя себя изучением положения стрелок?

Потрепанные путешествием лица, снова, как и несколько дней назад, подкрасило чувство такого глубоко удовольствия, что многие в обычной жизни, обязательно приняли бы его за счастье. Сытые туристы, прикрыв глаза, затихли, расслабившись на традиционном общем «диване». Собрать его во время вечерних стоянок из более-менее подходящих веток, листьев и кустов, за четыре дня стало делом само собой разумеющимся.

– Да, сейчас многие привычные вещи воспринимаются со-о-овсем иначе, – согласилась проникшаяся философским духом бухгалтер. – Народ, как вы считаете, раз мы сегодня не умрем с голоду, то время поговорить о будущем уже пришло? А то мы все, который день уже стараемся избегать таких разговоров, но нельзя же делать это бесконечно...

– Эх, Наташа-Наташа, это все ваше финансово-хозяйственное бессердечие, – грустно пошутил журналист. – Понятно же, что все мы в глубине души надеемся, что вот сейчас спустимся с гор, а там – сначала высоковольтные линии передач, потом, к примеру, альпийские коровки и, конечно же, асфальтовая, или какая там еще, дорога с аккуратными европейскими машинами. И мы такие «Же не манж па...»¹², а они нам в ответ, с подносом в руках, «битте шюн!»¹³, – мужчина немного помолчал. – Дай-то Бог, конечно, но...

* * *

Пятый день пути начался тоже «не по правилам» – чуть раньше, чем обычно.

Плотно поужинавшие впервые за три дня путешественники, встали еще затемно. Без привычных попыток собраться с силами, «потягушек» и прочего расслабона. Все остальные разбрелись в поисках дров, а Игорь традиционно взял на себя самое неприятное – полез в особенно ледяную после сна воду, за остатками вчерашних моллюсков.

К тому времени, как парень перестал чувствовать ступни и кисти, а пальцы начало даже ломить, на берегу лежало минимум с полведра, в основном средних и небольших раковин. Пара солидных – как вчерашние, – выделялись на общем фоне, но погоды не делали. Игорь на это примирительно заметил, что во время отдыха в Крыму друзья жарили на решетке куда более мелких.

– И такие были, пожалуй, на вкус даже получше. Мясо у мелкоты, по-моему, мягче должно быть, – охотно пояснил он, пытаясь отогреться у огня.

¹² Je ne mange pas six jours (франц.) – Я не ем шесть дней; отсылка к расхожей фразе Кисы Воробьянинова из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев».

¹³ Bitte schon! (немец.) – Пожалуйста! Прошу! (приглашение)

Катя и Анвар в это время отправились в очередной поход за дровами, и кроме стучащего зубами рыбака, на берегу осталась только Наталья.

– С удовольствием в этом «убежусь», э... «убежусь»? – согласилась она, выкладывая на плотный слой листьев очередную отмытую раковину, и продолжила без паузы, но заметно тише, – Скажи-ка, критик ты наш ресторанный, гурман черноморский, долго собираешься бессмысленно пялиться на Каткину задницу?! А она, между прочим, после того, как вы вчера с Анваром захрапели, плакала. Зазвал бы ее, что ли шишки там пособирать или ягоды... Не знаю, как у вас, журналистов, это делать полагается, но девушка измучалась и нуждается в поддержке. Это же никуда ни годно, сколько ночей с двумя мужиками в одной «кровати», и никто даже за зад не ущипнул?!

Перестав на некоторое время пытаться влезть в костер. Обескураженный постановкой вопроса, журналист обернулся и искренне рассмеялся.

– Положа руку на сердце (в смысле не на ваше, конечно, потому что я тогда не смогу какую-нибудь внятную мысль сформулировать, а на свое), признаюсь. Когда неопытные школьницы рассказывают, что мы, мужчины, только и думаем о «всяких глупостях», они изрядно преувеличивают. Безусловно, об этом думать приятнее всего, но, к сожалению, приходится отвлекаться на множество других, не менее важных тем. Опытные женщины, как мне кажется, насчет этого совершенно в курсе...

– ...не уходи от темы! – иронично посоветовала бухгалтер.

– Так вот, в свое оправдание могу ответственно заявить следующее: со вчерашнего утра, когда подобный интерес снова ко мне вернулся, я с не меньшим любопытством обращаю внимания и на ваши многочисленные выпуклости... Два первых дня, знаешь, как отпало, – доверительно пояснил он, уже всерьез.

– И...

– Но вчера, все это «беспокойство» закончилось уже к полудню. К вечеру, как в том анекдоте, меня такая жизнь полностью «удовлетворила», и если бы какая женщина стала чего настойчиво предлагать, я бы, наверное, самым настоящим образом не просто оконфузился, а даже стал бы отбиваться. И вот теперь, собственно, «признание», с которого хотел начать.

– Жги! – улыбнулась сводница.

– Обо всем этом я подумал сразу после нашего, если можно так сказать, приземления. По какому-то чисто мужскому рефлексу что ли. Правда, только на берегу, – подчеркнуто стеснительно уточнил Игорь. – Знаешь, вычитал в какой-то фантастической книжке мысль, что секс ради удовольствия – это дело благополучных людей. Если есть проблемы с едой и выживанием, то чтобы восстановить силы хотя бы после «одного раза», ее может не хватить и такой шалун в особый момент просто не осилит собственное выживание. Не говоря уже о том, чтобы спасти кого-то еще.

– Думаешь о том, что были еще выжившие после падения, но они могли утонуть без нашей помощи?

– Нет! – резко ответил Игорь. – Не думаю, – чуть мягче уточнил он, – но в глубине души, нет-нет, да мелькнет такая заноза. Правда, сейчас не в этом дело. Понимаешь, опасных хищников пока вроде не встретили, «фашисты» – не нападали, но я почему-то уверен, что расслабляться слишком рано. Мне не хотелось бы вести такие разговоры... И не хотелось бы разжигать нервозность, но ведь даже наши обычные перекрикивания перед ночевкой могут быть по-настоящему опасными. Представь, крикнул кто из нас, а в это время какой-нибудь местный тигр услышал. В итоге пришел – и застал кого-то из нас не возле огня, где хоть какие-то шансы. В общем, лучше иметь в виду, что здесь все же не кубинские пляжи.

– Поэтому ты всю ночь просыпаешься и нам пятки «поджариваешь»?

– Одна из причин...

– Да ладно, не грызи себя! С таким предусмотрительным гусаром все будет отлично, – Наталья заговорщицки подмигнула и еще понизила голос. – Можешь даже «для оптимизму» немного меня за сиську поддержать?

Нагруженные очередной партией веток дровосеки, так и не дождались объяснений, почему оставшиеся на берегу, по словам Кати – «ржут, как наркоманы проклятые».

* * *

Ущелье Сырая расселина

Единственный шанс сдержать удар более многочисленного врага, был в возможности встретить атаку в строю. Поэтому накануне ярл велел всю ночь жечь костры поперек ущелья. Как раз перед намеченным для битвы, самым узким отрезком высохшего русла. Рейдеры янгонов вняли предупреждению.

Не напали они ни вечером, ни ночью. Не ударили они и на рассвете.

Хотя Гослин-бонд заверил: их разведчики точно дошли до линии огня, но никак не проявив себя, растворились среди подступающего леса.

Эрвин Сильный был уверен, что осознав невозможность заставить врасплох, жрецы решат дать своим воинам восстановить силы. И может быть даже немного измотать фризов ожиданием. Мысль об этом, вызвали лишь презрительную усмешку: если бы он привел сюда фирд¹⁴ – это может быть и имело смысл. Но дружинники были способны выспаться даже в строю, а у взятых в поход бондов-охотников, многие битвы за плечами не имели разве что самые младшие из сыновей. Именно поэтому им досталось всю ночь поддерживать огонь и сидеть в секретах.

Только к концу второй утренней стражи¹⁵ у самой кромки леса начали скапливаться желтокожие воины. Уже не пытаясь скрываться, они медленно, но безостановочно, начали выходить на открытое пространство. На расстоянии двух полетов стрелы от линии вчерашних костров, враги принялись собирать пока еще аморфный атакующий строй.

Выходя по одному и выплескиваясь небольшими группами, в первые ряды шли обладатели самых крепких или просто больших щитов. Кто владел лишь легкой, удобной только в общей свалке защитой, выстраивались позади остальных. Туда же направлялись и слишком бедные, молодые или малоопытные. Все, кто пока не нажил хорошей, хотя бы по меркам янгонов брони.

Исключение сделали лишь в одном случае. Первыми, чуть на особицу от остальных, встали полтора десятка подчеркнуто легко снаряженных воинов. В дополнение ко всему, они еще и растянулись очень редкой цепью, разойдясь на четыре-пять шагов друг от друга.

Это продолжалось долго. Очень долго. Но в какой-то момент, казалось, немного даже опередив резко прозвучавшую команду, воины в первом ряду один за другим начали наваливаться всем телом и сгибать длинные, более чем ростовые деревянные «шесты». Уже через минуту и самым зеленым новобранцам-фризам стало понятно: у янгонов более дюжины действительно хороших лучников.

В этот момент любое осознанное движение снова ненадолго прервалось. Кого-то могли посетить надежды, что тревожная неопределенность продолжаться и дальше. Но именно ярл Эрвин знал точно: не минует и двухсот ударов сердца, как его воинов попытаются забросать стрелами. Под вопросом оставалось только одно: рискнут ли жрецы, в попытке опрокинуть его дружинников сходу, или сначала попробуют измотать, пользуясь двойным превосходством.

¹⁴ Фирд – ополчение в англосаксонской Британии в VII-XI вв., представляло собой армию, созываемую королем из свободных землевладельцев для защиты территории от внешней агрессии. Автор решил использовать именно этот термин, а не, например, более подходящий древнескандинавский аналог «лейданг» (предполагающий еще и частичное участие в набегах), чисто из эстетических соображений.

¹⁵ Вторая утренняя стража – единица измерения времени. Фризы, янгоны и их ближайшие соседи делят сутки на 12 страж: время от рассвета до полудня – это три утренние стражи, от полудня до заката – три дневные, от заката до полуночи – три вечерние, и от полуночи до рассвета – три ночные. Местные народы знают, что их продолжительность неодинакова и величины в течение года изменяются, однако факт этот считают не существенным.

– Придется постараться, чтобы не пришили! – ироничную фразу произнес один из опытных хускарлов под одобрительные ухмылки остальных и преувеличенно уверенный хохот молодежи.

– Стена щитов! – короткая команда ярла прозвучала одновременно с начавшими движение рейдерами.

Чтобы преодолеть первые сто шагов и начать расстреливать дружинников, нужно было совсем немного времени. Но надежное боевое построение все равно было составлено быстрее. Здесь и сейчас – стояли профессионалы.

Стоило прозвучать приказу, как первые двенадцать хускарлов сдвинули щиты и уперли их нижним краем в землю. Вторая дюжина тоже сомкнула свои ряды, и уперла обтянутые кожей диски поверх нижнего ряда. Третья и короткая четвертая линии – от дружинников и бондов, до самого ярла, – накрыли всех очередным рядом. Импровизированной крышей.

В итоге получилась и правда защитная «стена» с небольшим куском «кровли». Все было проделано, настолько умело, что зачастившие удары длинных тяжелых стрел, приходились лишь в подготовленную защиту.

Неприятный присвист и слышимый лишь за мгновение до удара шелест. Метательные снаряды впивались глубоко, но достать фризов и правда, не могли...

При всей надежности, под таким дождем даже прошедший десятки битв ветеран, нет-нет да испытает, казалось давно забытую дрожь. Что уж говорить о пришедших на поле чести впервые. Молокосос только что смог уговорить себя, что стоять здесь может и страшно, но безопасно, и в это самое мгновение, как будто подгадав, очередная оперенная смерть находит слабое место, и раз... прямо перед его глазами из щита протискивается железный «клюв».

Даже пробив щит, ей уже не хватит скорости, чтобы нанести рану, но страх не склонен к философским раздумьям. Ему не объяснишь. И только другой «страх» – опасность потерять «себя», – помогает перебороть нестерпимое желание броситься прочь.

Лишь понимание, что стоит сбежать, и твои отец, мать, братья, сестры и вообще все кого ты знаешь, больше никогда не посмотрят на тебя, как на равного. А может быть и еще ужаснее: ты станешь им чужим, чужим настолько, что даже если сможешь уберечься сейчас от врагов, бежать тебе окажется некуда. И именно в тот момент, когда юноша понимает, что смерть в этой жизни далеко не самое неприятное, только в это самое мгновение и рождается настоящий воин-фриз. Равный своим могучим предкам, пока еще не мастерством, но сердцем. Стоящий вровень с мужчинами, пришедшими многие века назад в эти земли, и растоптавшими погрязшие в роскоши и удовольствиях народы.

Стоило прошелестеть последней стреле, как стало видно: янгонские лучники свое дело знают туго, и вовсе не их вина, что белокожие бородачи за такое «выступление» заплатили лишь парой легких случайных рассечений.

Выпущенные каждым из стрелков по две дюжины оперенных смертей, густо усеяли совсем небольшой пятачок, на котором и сгрудился отряд фризов. В это время пехота янгонов тоже не осталась в стороне. Стоило сорваться с тетивы последнему «гостинцу», как плотный строй рейдеров слаженно двинулся на сближение...

Среди пришедших сюда, многие вполне внятно говорили на языке врага. То один, то другой рейдер принялся живописать увлекательные подробности из жизни соперников. И тут нельзя было не признать, что если все это хотя бы немного правда, истребив таких неприятных существ, янгоны окажут настоящую услугу даже земле, по которой сейчас шагают.

Хускарлы, среди которых не было никого моложе тридцати, очевидно, со своими недостатками смирились, и не пытались как-то опровергнуть обвинения. Очистив щиты несколькими взмахами меча от впившихся стрел, они снова сомкнулись плечом к плечу, наглухо перегородив узкий проход. Бонды постарше неторопливо разобрали копья и секиры, заняли свои

места в последнем ряду, такие же молчаливые и сосредоточенные на схватке. А вот несколько их молодых сыновей, оказались склонны к этнографическим беседам.

Находясь в меньшинстве к оппонентам, юные фризы не особо увлекались общей картиной янгонского грехопадения. Но и частности, надо заметить, оставляли пренеприятнейшее впечатление.

Например, процесс зачатия даже самых достойных из народа янгон, показался бы оскорбительным и шелудивым псам, если бы они, конечно, уже не приходились им родственниками...

* * *

За несколько часов до столкновения

Плотный завтрак и опять в путь.

Народ шагал бодро и не без энтузиазма. Время от времени, идущему первым Игорю, даже приходилось со смехом просить «господ потерпевших» не напирать. Где-то через час излишки пара оказались стравлены, и темп снова вернулся к привычно-размеренному. Казалось, что люди, втянувшиеся за несколько дней в теперешние нагрузки, так и будут маршировать, перебрасываясь шутками. Сначала – до полуденной стоянки, а потом – дальше. Но судьба традиционно внесла коррективы. Неожиданно, где-то впереди в ущелье, зародился низкий и какой-то рокочущий звук. Эхо невозмутимо подхватило его и понесло дальше мимо оторопевших туристов.

– Что за ерунда? – озвучила свое недоумение, не склонная к ступору Наталья.

– Похоже на... зубра какого-нибудь, – отозвалась Катя с явным сомнением.

Мужчины обменялись обеспокоенными взглядами, и Анвар предложил свою версию:

– По-моему, это скорее труба...

– ...а если это так, то ни коровы, ни волки, ни даже затейники зайцы с таким инвентарем пока вроде бы не замечены, – озвучил общую мысль Игорь, медленно выговаривая слова.

Падение, этот непонятный поход... Все эти дни они стремились к людям, но наткнувшись вот так вдруг, оказались немного не готовы. На лицах путешественников проявилась растерянность, и явное беспокойство. Катя, очевидно, как самая молодая и экспрессивная, даже сделала пару шагов назад.

– Да, одичали мы, уважаемые господа «пилигримы». И всего-то за несчастные пять с половиной дней, – снова не смог смолчать журналист, вызвав мимолетные смущенные улыбки. – Однако жить на форели и ракушках – тоже не вход. Пойду-ка, гляну, кто это там дудел.

– Может быть вместе? – все-таки уточнила Наталья.

– Конечно, только давайте я пойду вперед, а вы – отстанете на такое расстояние, чтобы могли меня видеть и слышать, но оставались не на виду. Мало ли, вдруг там все-таки какой-нибудь местный дикий бык или лев, – Игорь, как обычно, старался с женщинами напрямую не спорить. – Кстати, давайте только договоримся, чтобы ни каких криков, свистов, размахиваний руками. Даже если любопытство будет неимоверно свербеть. Дамы, можете быть уверены, если увижу хоть что-то необычное, и можно будет без риска вас позвать, я обязательно соображу повернуться и просемафорить!

– Понятно, иди уже... геройствуй! – сдержанно рассмеялась бухгалтер.

Но ничего героического не произошло. По крайней мере, сразу. Только почти час пути туристы добрались до места, откуда стали слышно совершенно другие, по-настоящему неожиданные звуки. Где-то рядом шла драка не на жизнь, а на смерть...

Яростные проклятья на смутно знакомых, но непонятных языках, грохот железа по железу, удары по дереву и время от времени совсем непонятный треск. Плюс ко всему в общую какофонию вплетались и явно предсмертные крики. Какие-то совершенно дикие вопли, просто переполненные гневом и болью. Вся эта разноголосица отнюдь не бодрила, и отзывалась

морозом внутренней дрожи. Как ни странно, но никому даже в голову не пришло, что можно просто уйти. Бросив неуверенный взгляд на спутников, Игорь рассмотрел на лицах роднящую их решимость увидеть все самим.

Еще почти через сотню метров удалось выяснить, что звуки идут откуда-то снизу. Сначала путешественники увидели, как Игорь пересек изгибающуюся под почти прямым углом речушку, потом влез на небольшую осыпь. Именно из-за нее поток и вынужден был «передвигаться» под противоположную стену ущелья. И уже здесь парень ненадолго замер.

Казалось, он с большим трудом сумел оторваться от видимого только ему зрелища. Скрывшись за гребнем перемешанной с грунтом кучи камней, он явно с трудом повернулся к попутчикам и грузно присел, упершись спиной в один из валунов.

Судя по безмерно удивленному виду, Игорь испытал серьезное потрясение. Только минуты через две-три он, наконец, отмер. Прижал палец к губам, а затем, знакомым всем жестом изобразил двумя пальцами идущего человека. Других приглашений не потребовалось.

– Девчата, только не привлекайте внимания! Давайте осторожнее: нельзя делать резких движений, и головы не высовывайте над камнями, смотрите между теми, что побольше. Им, вроде не до нас, но давайте пока не будем спешить знакомиться...

* * *

Поставь они себе такую задачу, и наши безбилетники вряд ли смогли бы подобрать лучшие места для наблюдения за происходящим внизу спектаклем. Давний оползень оставил после себя не такую уж и большую насыпь. Но высохнув, прежнее русло обнажило еще и довольно серьезный котлован. В итоге, со случайно выбранной точки битву можно было рассмотреть во всех подробностях, оставаясь невидимыми для ее участников.

Около трех с половиной десятков рослых европейцев перегородили бывшее русло. Оборонительная трехэтажная стена из щитов, создала надежную запруду против вдвое большего числа врагов. Одетые в самые настоящие кольчуги, они напоминали железный волнолом на штормовом берегу.

За их спинами суеились еще почти полтора десятка крепких парней, правда, одетых заметно попроще. Часть из них разила поверх щитов полутора-двухметровыми копьями, другие, с луками в руках, время от времени вскакивали на один из многочисленных валунов за спинами товарищей, выпускали одну – реже две стрелы, и спрыгивали, чтобы повторить трюк через минуту, но в другом месте.

Привлекал внимание и их вождь.

Светлая, наполовину седая борода, была завита в несколько косичек с яркими лентами. Сам – скорее среднего роста, но очень широкий в плечах. Мужчина выделялся гордой статью, дорогой одеждой, и не менее украшенной секирой, которую он ни на минуту не выпускал из рук. Время от времени, предводитель становился во второй ряд, и начинал разить по щитам и шлемам нападающих, но каждый раз не давал себе увлечься, и почти сразу отходил назад, контролируя ход сражения.

Их враги явно принадлежали к азиатской расе. Судя по росту, разрезу глаз и цвету кожи – скорее даже к уроженцам юго-восточной Азии. Еще их было почти в два раза больше. Пытаясь посчитать, Игорь каждый раз получал новую цифру, но меньше восьми десятков все равно не выходило.

Не смотря на разницу в росте, крепкие желтокожие мужики уверенно напирали на стену бородачей, и при этом хорошо держали строй. Железной брони на них было заметно меньше, однако беззащитными те не выглядели. Вооруженные в большинстве своем разной длинны копьями и небольшими топорами, они предпочитали биться, сохраняя некоторое расстояние.

Однако немалое число щеголяло и широкими, судя по цвету, бронзовыми мечами. Предназначенные явно для рубки, они отбивали у вражеских щитов поменьше щепы, чем те же топоры. Но такие воины чувствовали себя в схватке щит в щит, наиболее уверенно.

Судя по всему, меч – означал среди нападающих какой-то особый статус. Или ветеранов, или местных богатеев... Хотя может быть, что и тех, и других одновременно. Потому что именно у последних, чаще всего поверх одежды крепились с помощью кожаных ремней, еще эта группа носила еще и поголовно большие круглые или прямоугольные бронзовые пластины, прикрывающие грудь, спину или живот. У воинов без мечей, такого усиления брони было куда как меньше.

Самыми примечательными среди них, были два предводителя. Они заметно выделялись ростом, атлетическим сложением, и великолепной броней. Затянутые с головы до ног в кольчуги, даже свои лица они прикрыли красивыми металлическими личинами в виде кого-то грозного с торчащими клыками.

Стоя в последних рядах, где строй разжижался до аморфной массы, они спокойно выжидали чего-то, ведомого только им. Время от времени гортанными криками то ли отдавали приказы, то ли просто подбадривали остальных. Однако еще четверо бойцов в броне из металлических бляшек все это время прикрывали их своими здоровыми овальными щитами. Судя по числу торчащих из них обломков и явно бесполезной настойчивости лучников, попасть в эту пару, белокожие сочли бы изрядной удачей.

Что еще бросалось в глаза, так это результативность всего этого тяти-толкая. В отличие от земных исторических блокбастеров, ни кто, во-первых, не стремился броситься и умереть в одиночестве. А во-вторых, большинство ударов, выстрелов из лука или бросков дротиков, заканчивались или во вражеских щитах, или наносили сравнительно небольшие раны. За четверть часа наблюдений и постоянных обоюдных попыток «покушения на убийство», ни одного здоровяка не смогли даже подранить. А вот похуже защищенные нападающие потеряли четверых.

Правда, только один был однозначно убит. Как раз седобородый вождь своей дорогущей секирой с почти полуметровой рукоятью, сумел подловить, и вмять две неровные половинки шлема в невнимательную голову. Точнее в то, что от нее осталось.

В остальных случаях подранков успевали отвести или оттащить в задние ряды, и принимались сноровисто перевязывать. В итоге ни один из тройки других желтокожих неудачников, судя по всему, даже сознания не потерял.

* * *

– Народ, хватит плялиться, давайте советоваться, – присел на прежнее место Игорь. – Нам нужно что-то решать...

Журналист старался говорить негромко, но мог бы с таким же успехом петь песни или читать стихи. Внизу стоял такой грохот, что ничего из этого там бы все равно не расслышали.

– Вещай, что там тебя беспокоит, – предложил Анвар, когда все собрались в круг.

– Смотрите, отсутствие привычных созвездий, спутников, самолетов, пять дней без спасателей... Внизу – больше сотни долбанутых «реконструкторов», которые вполне всерьез режут, рубят и протыкают друг друга...

– ...ага, меня чуть не вырвало, когда тот дед с большим топором голову вьетнамцу на две половины разрубил, – проговорила Катя, снова слегка побледнев.

– Все это по отдельности можно пытаться игнорировать, но все вместе...

– Ну да, убеждать себя, что мы по-прежнему на Земле, сейчас действительно, куда как труднее, – с кривой улыбкой на лице согласилась Наташа. – Ты предлагаешь что-то конкретное, или просто хочешь, чтобы все признали, очевидное?

– Два раза «да». Чтобы «признали», и есть «предложение».

– Давай! С момента, как мы вылезли на берег, ты предлагаешь, а потом, вместе делаем. И вроде все пока хорошо, – улыбнулся Анвар. – Я, так понимаю, ты хочешь предложить, что-то ...неожиданное?

– Снова «да». Вы же обратили внимание, что сейчас у них там внизу равновесие, и продолжаться эта ерунда может долго? Предлагаю вмешаться и помочь одной из сторон!

Женщины ошарашенно замерли, а на лице Анвара всплыла мимолетная усмешка, которая явно сказала о том, что чего-то похожего он и ожидал.

– Игорь, блин, да на каждого из нас понадобится по одному удару! Ну ладно, пусть на тебя два, – практически вскричала Наталья, голос которой на последних словах привычно «дал петуха». – Что мы можем тут сделать?!

– Наташа, тише, – он положил ей руку на плечо, – вне зависимости от того, что мы сейчас решим, ты точно хочешь привлечь их внимание?

Женщина испуганно закрыла рот рукой, и за ней этот жест неосознанно повторила Катя.

– Надеюсь, никто не считает, что суть моего предложения в том, чтобы прекрасная часть нашего «войска» взяла палки и накинулась на мужиков с мечами, а мы с Анваром – отсюда вас подбадривали выкриками? Нет, ну и, слава Богу! – уточнил Игорь под неуверенные, но уже не такие испуганные выражения лиц спутников. – Мы не станем с ними драться впрямую. Поступим совсем иначе. Только давайте решим самое главное: предлагаю выступить на стороне тех, кого меньше!

– Почему? – заинтересовалась Катя.

– Тут простая логика: «недосамураев» – в два раза больше, поэтому для них наша помощь – это что-то не очевидное. Вроде как помогли, молодцы, но мы бы и сами... Явно же видно, кто именно напал, значит, не смотря на нынешний статус-кво, они на что-то рассчитывают. А вторые – загнаны в угол, и если сможем помочь, всяко должны оценить это. Да и, честно говоря, мне эти бородатые немного напоминают викингов, хоть какая-то общность. А тем, как говорит Катя «вьетнамцам», я как-то подсознательно не доверяю. Поэтому если помогать, то...

Чувствовалось, что все обдумывают аргументы, и в принципе возражений не имеют, но идея двумя бабами, стариком и интеллигентом нападать на восемь десятков, все равно поддержки не находит.

– А в чем план, – решился нарушить тишину Анвар. – В смысле: его «боевая» часть?

– Если сейчас спуститься по осыпи так же, как мы забирались, а потом пройти вдоль воды метров пятьдесят, мы сможем свернуть, и подойти к обрыву, который нависает над левой частью строя этих хунхузов. Как раз там, где их начальники.

– Хочешь сбрасывать на них камни?

– Бинго, Анвар! Смотрю, ваше архитектурное образование полезная вещь, – пошутил Игорь. – Только не просто камни, а сначала неожиданно скинуть самый большой из тех, что мы вчетвером сможем скovyрнуть. Я читал, что в таких битвах те, кто нарушал строй, теряли намного больше воинов, чем сохранившие, и чаще всего проигрывали. Ну и в кого-то же мы все-таки попадем...

– Если сто килограмм по башке попадет, наверное, не до строя будет. А давайте! – решительно заявила Наталья. – Не хочу знать, что они с нами сделают, если просто так найдут.

Сказано – сделано.

Расстояние до намеченного обрыва по прямой, не превышало и ста метров. Но в горах нет коротких и одновременно безопасных путей. Из-за необходимости спускаться, подыматься, потом перебираться через еще одну осыпь, дорога заняла минут сорок, и отняла изрядно сил. Когда «засадный полк» погорельцев добрался до намеченной точки, на некоторое время пришлось просто присесть и отдохнуть, потому что сразу после этого таскать валуны не смог бы ни кто.

– Ну что, «помолясь», – уточнил Игорь, положив руку на ближайшую 300-350 килограммовую глыбу. – «Снаряд» – кажется идеальный?

Возражений ни у кого больше не было, и путешественники принялись сдвигать валун в сторону сухого русла, кто, сидя и упираясь ногами, а кто – поддевая прихваченными палками,

в качестве рычага. Понадобились, не больше пяти-семи минут, чтобы приличный кусок скалы перевалился через выступ, на котором балансировал и занял подходящее неустойчивое положение. Приподняв его край, туристы подсунули несколько мелких камней, чтобы заставить камень замереть в неустойчивом положении, а уже потом принялись подтаскивать куски, которые смогли бы сбрасывать по одному. В это время несколькими метрами ниже разворачивался очередной этап традиционной такой средневековой трагедии.

Упорядоченные ряды двух отрядов замерли в неустойчивом равновесии. Строй более мелких желтокожих бойцов не мог сдвинуть ставших намертво бородачей. Основная – наиболее многочисленная масса легковооруженных «вьетнамцев» просто бурлила позади, поддерживая соратников больше морально и «орально».

Приняв какое-то решение, два закованных в металл предводителя желтокожих вместе с хорошо вооруженной охраной стали сбивать еще один строй. Хотя скорее «клин», в которой изобразили «острие». Подготовка не потребовала много времени, и в тот момент, когда журналист осторожно высунулся, чтобы понять будет ли польза от их сюрприза, штурмовая колонна пришла в движение, успев раздвинуть самую крикливую часть своих соратников.

– Время! – прохрипел Игорь, вскочив на ноги. – Сейчас!

Подсунув под заранее приподнятый край концы палок, туристы с дружным «и-и-и, раз!», сдвинули его вниз. Уже через несколько мгновений стало понятно, что момент был подобран – лучше не придумаешь.

Зацепив, во время короткого скольжения, кучу своих собратьев, валун рухнул на атакующий клин, вызвав еще и «обстрел» несколькими тоннами камня. Основной удар пришелся на момент, когда штурмовая колонна прошла первый атакующий ряд своих соратников из четырех.

Из двух с половиной десятков легковооруженных воинов стоявших под местом диверсии, на ногах осталось меньше половины. Из «стального» клина штурмовиков – повезло только одному предводителю. Конечно же, вряд ли все лежащие на земле оказались убиты, но переломы или какие-то мелкие травмы получили почти все. Кому-то «повезло» оказаться лишь оглушенным, но такое счастье было весьма сомнительной и очень-очень временной удачей.

На какое-то время оба отряда замерли в ужасе, отхлынув друг от друга, и пытаясь осознать масштаб и причины трагедии. И как минимум минуту в ошарашенной тишине раздавались лишь несущиеся сверху воинственные мужские и женские выкрики...

Только чудом не попавшие под удар лавины бородачи чудом сумели сохранить строй. На счастье их предводитель оказался не склонен к впадению в ступор. Осознав, что более удачного момента не будет, он проревел какую-то длинную команду, и это окончательно изменило картину боя.

Правая половина европеоидов усилила напор на растерянных врагов, заставив их даже немного попятиться, а левая – легко, в один яростный натиск разорвала два противостоящих им уцелевших ряда, и принялась буквально выкашивать слабо сопротивляющихся воинов. Но окончательную точку в организованном противостоянии поставили легковооруженный резерв, действовавший из задних рядов «бородачей».

С победными криками они так яростно рванули в прорыв, что окончательно смешали не попавшую под удар часть «вьетнамцев». После этого хоть о каком-то организованном сопротивлении речь прекратилась окончательно. Битва распалась на добивание прижатых к скалам групп неудачников, и преследование рванувших бросая оружие и щиты счастливицков.

Правда, для путешественников все развивалось не так удачно.

Не потерявший внутренней собранности Игорь, смог вовремя сообразить, что еще немного, и разошедшиеся коллеги рискуют в запале врежут кому-то из потенциальных друзей. Поэтому отложив последний поднесенный камень, он стал на краю обрыва, и немного театрально раскинул руки:

– Кажись, хватит, под нами все равно уже никого нет, – рассмеялся стратег. – «Ура! мы ломим; гнутся шведы...»¹⁶

На цитировании пусть и действительно подходящей моменту классики, Игорь получил очень резкий и болезненный удар в грудь. Пошатнувшись, он застонал, но драма на этом не закончилась. Прямо на глазах ничего не понимающих коллег, его еще и ударила в живот здоровенная стрела. Снаряд был послан ни черта не понимающим в поэзии лучником с такой силой, что раздвинув ребра, вылез из середины спины. Почти на ширину ладони. В глазах онемевших от такого поворота женщин, успели отпечататься все до единого пятна ржавчины на наконечнике, как парень ухнул вниз.

¹⁶ Строки из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828): «...Но близок, близок миг победы. Ура! мы ломим; гнутся шведы. О славный час! о славный вид! Еще напор – и враг бежит...»

Глава 2. Страна пирамид

Эверберг, осень 2037-ая от Исхода

(3 сентября 2017 года по «земному» календарю)

Игорь проснулся удивительно бодрым и с каким-то щенячьим чувством счастья. Предыдущий раз нечто похожее было разве что еще в университете. Курсе, наверное, на первом-втором. Только тем, кто все еще летает во сне знакомо это ощущение беззаботного парения и юношеской расслабленности.

Прямо с недостойным энтузиазмом, по крайней мере, для взрослого, почти тридцатилетнего мужика весом в сто килограмм, он прыжком переместился с кровати на пол, и только тут осознал, что не помнит, как здесь оказался. Да и самое главное: совершенно не представляет, а где это «здесь». Окинув более внимательным взглядом помещение, журналист наморщил лоб и перевел взгляд на себя, удивившись в очередной раз.

Нет, привычка спать раздетым была, но где трусы? Без этой детали он мог оказаться лишь в одном случае: если бы дома вышел из душа, завернувшись в полотенце, и сразу заснул. Но полотенца нет (Игорь бросил осторожный взгляд на кровать), да и здесь точно «не дома». Был, конечно же, еще один вариант – то самое исключение. Но даже в гостях у кого-нибудь из подруг так встретить утро можно было, только если бы перед этим удалось накидаться до полного выпадения в осадок. Еще раз, прислушавшись к ощущениям, решил: нет, для такого поворота слишком уж он свеж, бодр и чего там – счастлив.

«Что же такое случилось, и где интересно вообще моя одежда...»

И тут сознание пронзила память о последних событиях: удар, стрела, недолгий полет.

«Погоди-ка, меня же получается... или нет?!»

Практически рухнув под давлением мыслей на кровать, Игорь максимально изогнул шею, но не нашел и следа на правой ключице, по которой в его памяти с силой врезали чем-то твердым.

«В меня же, кажется, пращник попал. Боль же была просто адская, и уж синяк-то – всяко обязан был остаться, – в недоумении Игорь потрогал предполагаемое место. – Я же из-за того удара некоторое время шевельнуться не мог. Поэтому, наверное, и получил ту стрелу. Да, стрелу...»

Но и на животе не было никаких отметин. Ну, кроме тяги к гастрономическим излишествах, где-то внутри. На попытку помять, он отозвался голодным бурчанием. Автоматически успокаивающе похлопав себя по скрытым под слоем сытости бывшим кубикам, Игорь пока решил отложить размышления на такую непростую тему, и осмотреться еще раз. Но и тут оказалось «не разгуляться». Единственной деталью интерьера оказалась кровать.

«Какое, однако, странное лежбище... – осторожно переместившись коленями на холодный каменный пол, он заглянул под шедевр местного столярного мастерства. – Вряд ли это стандартная гостиничная мебель, хоть в Париже, хоть еще где...»

Кстати, судя по утреннему состоянию, сооружение было безусловно удачным. Наверное, даже достойно отдельного разговора.

В качестве основы неизвестные умельцы использовали две балки прямоугольного сечения толщиной сантиметров в двадцать и длиной с привычную «двухспалку». Положили их по краю будущей кровати и приставили, вырезав шипы, по два столь же массивных оцилиндрованных столбика к концам каждой из них. Все это соединили попарно тонкими, тщательно ошлифованными брусками. Получившиеся половинки, вместо панцирной сетки скрепил слоем длинных, очевидно бамбуковых реек, которые прижали к основе, использовав еще по одному обработанному бруску.

В итоге получилась необычно упругая разборная кровать с регулируемой длиной, без каких-либо высоких и не очень технологий. Тщательное ощупывание не выявило ни одной пружины, ни единого металлического гвоздя, но – двенадцать шипов в качестве соединений. Если прибавить сюда матрас из грубой, похожей на мешковину ткани, судя по ощущениям совсем недавно заново набитый какой-то пахучей травой, получается слишком уж аутентично для какой-нибудь реконструкции.

«Ну, кто бы стал так «отплясывать», вместо того, чтобы всего лишь прибить пару гвоздей?! Может быть, где-то в дикой амазонской сельве, но вокруг мало что напоминает доисторические хижины. Да и... пасись оно конем!» – ощущая почти физическую боль от таких размышлений, Игорь решил прекратить сомневаться, и попытаться понять, где же его одежда, где он сам, и куда делись остальные туристы.

Укутавшись в тонкое шерстяное одеяло на манер древнеримского патриция, парень вышел сначала в коридор, а потом и на деревянный балкон. Именно к нему его вывела дорога, выложенная из множества плотных и упругих циновок. Явно плетенных вручную.

Внешние стены многоэтажного здания, в котором он проснулся, были толщиной в шесть максимально больших или десять быстрых коротких шагов, то есть, как минимум, пять с половиной, а то и все шесть метров.

«Однако, монументально...»

Сложенные из обычного песчаника внутри, и крупных гранитных блоков не очень пространственного зеленого цвета снаружи, они выглядели очень надежными и при этом оставляли ненавязчивое ощущение уюта. Большинство встреченных по пути дверных проемов было завешено ткаными занавесками, с какими-то незамысловатыми сценками. Охота, битвы, склоненные люди, скорее всего, на полях или охотники в погоне за стилизованными до неузнавания животными. Звуков изнутри не доносилось, но все при этом было настолько странно, что заглянуть внутрь даже в голову не пришло.

Деревянная крытая пристройка, на которую Игорь вышел, шла вдоль всего здания и изгибалась, уходя с обеих сторон за поворот. Резные деревянные балки переплетались между собой, и оставляли ощущение массивного и надежного сооружения. Вертикальные столбы, казалось, сами собой вырастали из зернистого гранита стен и перетекали в стропила, поддерживающие много слоев темно-красной черепицы.

«Надо признать симпатично! Скорее это даже никакой не балкон, а галерея, – журналист подавил страх высоты, но чуть сильнее, чем надо, сжал пальцы на ограждении и далеко перегнулся над пропастью. – Ага, получается все это деревянное зодчество приспособлено к третьему этажу здания, а само оно практически вырастает в край скалы. Блин, да тут высоты метров сто пятьдесят, а может и все двести!» – вернувшись в менее пугающее положение, исследователь затянул сползшее одеяло уже на манер набедренной повязки, и подивился густому аромату хвои, добивающему даже сюда.

Обрывистый склон плавно переходил в холмистую, заросшую лесом местность, лишь кое-где прорезанную изломанными линиями рек. Многоугольники немногочисленных и очень небольших полей, группировались вокруг подножия и не отлучались от него дальше трех-пяти километров. Где-то на уровне горизонта все это всклокоченное великолепие упиралось в серые склоны хмурых гор.

«Так, получается, что я нахожусь с юго-восточной стороны то ли замка, то ли крепости... как минимум – здания, – сделал вывод Игорь, рассмотрев преломление лучей восходящего солнца среди многочисленных снежных шапок.

Если смотреть почти прямо на юг, то в сплошной стене трех-пяти тысячников виден был единственный, но очень широкий разрыв. Наверное, не меньше 50-60 километров. Сам хребет занял весь горизонт с востока и куда-то на юго-запад. По крайней мере, отсюда был виден именно такой вариант местной географии.

«Ага, думаю, где-то там и затонул наш авиаизвозчик. Ну и все те, кому повезло меньше, чем нам. Вряд ли такие здоровые горные цепи здесь встречаются во множестве... Царствие им Небесное!» – религиозный лишь наедине с собой, путешественник добавил ритуальное пожелание, скорее стараясь отмахнуться от попыток вспоминать лица недолгих попутчиков, чем действительно желая устроить молебн.

Ненужные, да и откровенно неприятные метания прервали звуки, неожиданные донесшиеся из покинутого недавно здания. Уже через мгновение из дверного проема выскользнула первая увиденная местная жительница. Именно ее смех, прозвеневший игривым колокольчиком, сначала под каменными сводами, а потом и вырвавшийся вслед за хозяйкой на свободу, и заставил удивленного парня резко обернуться.

Звучавшая в женском голосе неподдельная искренность и очаровательная юная легкость, отозвалась на лице погруженного в самоедство Игоря искренней ответной улыбкой. Встреча «на Эльбе» была лишь немного скомкана сумбурными попытками мужчины чуть плотнее затянуть на чреслах одеяло, так некстати задумавшее сползти.

* * *

Красивая молодая женщина неуверенно переступила с ноги на ногу и суетливо поправила ярко-красный расшитый передник. На длинном до пят платье из неокрашенной светло-серой ткани он смотрелся, надо признать, вычурно, но симпатично. Не сумев сказать ни слова, и смутившись от этого еще больше, она принялась теревить одну из двух светло-желтых кос. Судя, по отсутствию удивления на лице, искала девушка именно его, однако все равно растерялась, когда понадобилось вступить в диалог.

Не стоит судить ее слишком строго. Даже с людьми не в пример старше и опытнее может случиться некоторый небольшой ступор, когда необходимость поболтать с носителями неизвестного им языка возникает неожиданно. И не кивайте на наше извечное «привет» по поводу и без. Это и подавно продукт современного космополитизма, но никак не замкнутого средневекового общества, в котором, судя по всему окружающему, и пребывала юная красавица.

Игорь, мгновенно осознавший, что творится с его милой визави¹⁷, не сделал ни единой попытки прийти на помощь. Скорее наоборот, продолжая улыбаться, он еще и добавив неловкости, когда подчеркнуто иронично приподнял бровь.

Нет, конечно же, журналист продолжал оставаться человеком скорее добрым. Просто девица была очень уж миловидна, а он сам – все еще слишком молод. Жизни ее эта клоунада ничем не угрожала, а поэтому в мужчине сработала пусть и немного коварная, но беззлобная привычка выжимать негарантированную дозу удовольствия от явного смущения слишком красивых женщин.

Игорь прекрасно помнил, что лишь в такие минуты есть шанс сразу понять, что перед ним за человек. В остальное время растерявшие в большинстве своем безыскусную искренность красавицы слишком уж себе на уме, и даже снимая одежду, не всегда дарят шанс увидеть себя настоящими.

Действительно, не спешите осуждать расшалившегося героя. Во-первых, черта эта все-таки действительно жизни не угрожает, во-вторых, дурнушки и от вас вряд ли дождутся особой тяги заглядывать в душу. Ну и в-третьих, привычной игры не случилось. Из дверного полумрака на сцену выскользнул еще один персонаж, сразу же уверенно взявший на себя инициативу в переговорах.

Высокий длинноусый шатен, лет 30-32 мгновенно уловил состояние потерянной для дипломатии напарницы. Обогнув замершую златовласку, он иронично хмыкнул, и задумчиво погладил бритый подбородок. Затем, воин выпрямился, хотя казалось, куда уж больше, как-

¹⁷ Визави (франц. vis-a-vis) – лицом к лицу; тот, кто находится напротив, стоит или сидит лицом к кому-нибудь. В переносном значении может также означать оппонента.

то мягко и буднично опустив левую ладонь на короткий меч в щегольских деревянных ножнах с множеством бронзовых заклепок. Все это действие завершилось поклоном с приложенной к сердцу правой рукой.

В момент исполнения увертюры «Вежливость», раздался похожий на шелест металлический шум, и из боковых разрезов его длинной, почти до колен, замшевой куртки, ненадолго выскользнули мелкие звенья черненой кольчуги.

– Тротс, маньер! Фолгх мэй!¹⁸ – приглашающе взмахнул рукой дипломат.

Убедившись, что Игорь готов за ним следовать, посланник обернулся и мягко подтолкнул в сторону двери свой раскрасневшийся «авангард». Красотка, наконец-то получившая опору в этом качающемся мире, взмахнула косами и рванула куда-то внутрь здания. Правда, уже через пару минут турист выяснил, что цель, для такого ускорения, оказалась совсем не далеко. Когда он повторил свой недавний путь в обратном порядке, на пороге комнаты, где довелось неожиданно проснуться, его ждала давешняя «болтушка». Снова приглашающий жест провожатого, и временно голозадый путешественник наконец-то получил назад утерянную одежду.

Приятно удивившись, что сине-голубой шелковый костюм, белье и обувь не только вернулись, но и приведены в порядок, Игорь пришел в еще более благодушное настроение. Но расслабившись, тут же за это поплатился, обнаружив плохо отстиранные пятнышки крови в предсказуемых местах. А в районе живота и спины, еще и аккуратно заштопанную сквозную дыру.

«Да твою ж ты набережную... значит, все было! – практически вслух застонал Игорь. – Значит, все и правда было...»

Но длительных переживаний и трогательного самоуглубления не получилось. Терпеливо дожидавшийся пока парень закончит, воин снова поманил за собой.

Дорога к следующему пункту назначения скрывалась где-то в глубине. Сначала всего лишь с десятков различных лестниц и переходов, потом – временные спутники под открытым небом, огибают снаружи длинную одноэтажную пристройку, и вот они почти пришли.

Цель – в качестве ножки к печатной букве «т» присоединялась к пятиэтажному, только что покинутому, зданию. Логично было предположить, что в этот 50-метровый «аппендикс» можно было попасть и быстрее, но опоясанный мечом «путеводитель» очевидно, считал иначе. Узкая улочка, среди плотно стоящих двух- и трехэтажных домов, уперлась в небольшую, но, несомненно, главную площадь поселения.

«Ага, парадное крыльцо! Значит, меня сейчас будут принимать официально...»

Пройдя мимо затянутых в броню и вооруженных ростовыми копьями стражей, они оказались у входа (как выяснилось чуть позже) в тронный зал местного правителя.

– Ком ин ди хойс, маньер!¹⁹

Воин остановился у широкого распахнутых двустворчатых врат, чуть посторонился, и в который раз изобразил характерный приглашающий жест. Но сам с места не тронулся.

«Приглашаешь? Ну да, я так понимаю, местной власти пора уже узнать, кто мы такие. Хотя как мы будем объясняться... Чего-то, конечно, попробую, но не с моими знаниями разбирать ту причудливую смесь, на которой вы тут бормочите...»

* * *

Распахнутые под самым потолком ставни давали достаточно света, чтобы идти не спотыкаясь. Два десятка открытых под самым потолком окон, на всем протяжении зала даже создавали иллюзию какой-то особой близости к небу. Но это только на центральной дорожке. Стро-

¹⁸ Тротс, маньер! Фолгх мэй! (фриз. «Горжусь, господин! Следуй за мной!») – традиционное уважительное приветствие фризцев к вышестоящему звучит как «Экес тротс оп ват асиль! Горжусь, что вижу!» При обращении к равному или предводителю-чужаку, чаще всего используют сокращенную форму «Тротс!/Горжусь!»

¹⁹ Ком ин ди хойс, маньер! (фриз.) – Проходи в (благородный) дом, господин!

ители как-то умудрились сохранить плотные залежи легкого сумрака, оставив большую часть зала в тени.

Массивные каменные стены только прибавляли приятной прохлады. Причудливые барельефы и вовсе сводили на нет, попытку зацепиться взглядом за что-то вне освещенной тропинки. И лишь через несколько мгновений, когда глаза окончательно приспособились к здешнему освещению, Игорь сообразил: путь лежит к дальней от входа половине.

Местный хозяин расположился на небольшом, примерно по колено возвышении. Высокое резное кресло, украшенное головой кабана или, если судить по размеру клыков, скорее, вепря, не оставляло сомнений.

Немного неуверенно улыбнувшись, Игорь сделал первый шаг. И хотя идти было не так уж и далеко, однако по пути он успел предложить и отвергнуть несколько вариантов того, на каком расстоянии будет «пристойно» остановиться. Еще сильнее одолевал вопрос общения. Все это время в голове вертелась дурацкая, даже на первый взгляд мысль, о рисовании каких-нибудь картинок и прочая придурь...

Как выяснилось, вопросы этикета здесь находились под самым пристальным контролем. За четыре шага до возвышения, один из двух вооруженных короткими копьями воинов, замерших справа и слева от трона, сделал шаг вперед и выставил ладонь в останавливающем жесте. Через мгновение разрешилась и проблема общения.

– Кто ты? Из каких земель? Какого ты рода? – спрашивал тот самый обладатель роскошной и, конечно же, очень результативной секиры, который запомнился туристам во время битвы в ущелье.

Удивительнее всего оказалось не то, что Игорь понимал, о чем его спросили. Самым поразительным ему почему-то показался факт, что одновременно с понятными ему словами, звучала и некая странная лабуда. Параллельно привычной русской речи, шел второй поток звуков, состоящий из каких-то явно знакомых, и одновременно ни капельки не понятных слов.

– Ви я эйз? Ван ватер ланд? Ва дон йа сортие?²⁰ – раздавалось под гулками сводами.

«Ага, дело походу будет долгим, – подумал журналист; раздосадованный некоторой внутренней растерянностью, он представил, что дал себе внутреннего пинка. – Ты же, забодай тебя коза, профессионал! Говорить с людьми, топоры у них, метлы или авторучки, твое профессиональное «колдовство». Соберись, мудила!»

Внутренний призыв неожиданно помог.

– Меня зовут Игорь, – уже вслух добавил он, отбросив факт, что по-прежнему говорит на русском, но его понимают. – Коротко ответить на остальные вопросы, наверное, не получится, и мне придется, возможно, переспрашивать уже самому. Как я могу обращаться к уважаемому хозяину?

– Действительно, вежливый хозяин, принимая в гостях помогших ему победить в непростом бою, наверное, должен первым назвать себя, – улыбнулся мужчина. – Тем более, как я понял, вы совсем не знаете здешних земель, и пришли к нам... не по своей воле. Племена народа фризов и многие люди другого корня, знают меня под именем Эрвин Сильный. Вот уже тридцать второе лето, как я наследовал своему дяде, и стал ярлом²¹ народа ивингов, что ведут свой род от Дикого Кабана. Мы ходим в бой под стягами кинефатов²², но сами вышли из

²⁰ Ви я эйз? Ван ватер ланд? Ва дон йа сортие? (фриз.) – Кто ты (дословно – кто ты есть)? Из каких земель? Какого ты рода?

²¹ Ярл – наследственный глава племени, сосредоточивший в руках, наиболее полную власть; в большинстве случаев владеющий правом высшей судебной и исполнительной власти, возглавляет племенное ополчение, и как минимум формально, считается хозяином земель, которые племя контролирует. За исключением участков, переданных нижестоящим знатым семьям или родам за заслуги или после получения выкупа. Право объявления войны и заключения мира может находиться как в руках ярла, так и оставаться прерогативой народного собрания. У ивингов народное собрание может собираться лишь по желанию ярла.

²² Кинефаты – самый крупный племенной союз фризов, владеющий центральной частью побережья и самыми богатыми землями. Более 300 лет прошло с момента, как таны и ярлы 27 племен союза не выбирают верховного правителя – конунга.

племени готов. В здешних землях есть еще три родственных нам народа. Воины одного из них, так решила судьба, выставляют стяги среди тубантов²³, а два других, – как и мы, – считаются кинифатами.

– Ты сказал, что носишь имя... Ингер, Ингар?

– ...скорее – «Ингвар»²⁴, хотя в наших землях его принято произносить как «Игорь», – очевидно некоторые нюансы образования имени ярлу были известны, и он на мгновение перевел взор на воина, стоящего от него справа.

Дипломированный филолог самую малость напрягся, но плохо ничего не случилось. Скорее – наоборот: подчиняясь, мужчина отставил в сторону копье, и на мгновение скрылся за массивным сооружением, служащим тронем местному владельцу.

Чтобы тут же вернуться с невысоким, но солидным и даже на первый взгляд довольно удобным табуретом, у которого помимо продолговатого толстого сидения, оказались широкие подлокотники.

«О, да это же какой-никакой статус! Я не буду стоять...»

– Присаживайся, у нас будет длинный разговор! – довольно благожелательно уточнил хозяин. – К сожалению, по дороге назад у нас было слишком много раненных, и «лифенскраф» у меня хватило, только на то, чтобы не дать им умереть. Очень недолго смог поговорить с твоими спутниками.

– Прости, ярл, ты сказал «лифенскраф»? Я тебя хорошо понимал до этого момента, но вот это слово – не получилось...

– Значит, в вашем языке такого нет. Попробую объяснить... Ты, конечно же, видел, что при порезах или других ранах из тела течет кровь? Если ее не останется, или будет слишком мало, человек не сможет сначала ходить, а потом и совсем умрет.

– Да, конечно.

– В душах тоже есть «кровь». Она не красная, скорее напоминает золотистый огонь или дневной свет. Некоторые из людей его могут видеть вокруг тел, даже не становясь жрецами. «Лифенскраф» – это сила самой жизни, и не только. С ее помощью, можно зарастить раны, создать мост между разумами, как мы сейчас делаем с тобой, можно достичь очень многого.

– Надо же... В наших землях идут разговоры о чем-то похожем, но чаще всего они оканчиваются ложью. А у вас так может всякий?

– В простом человеке сила жизни почти не задерживается. Раз, и схлынула, как волна. Лишняя почти вся вытекает, но еще некоторое время ему хорошо. Становится веселым, может много быть с женщинами, долго работать, меньше устает в битве. Но у некоторых людей сила держится дольше. Половина дня – легко, даже день! Пока не исчерпается от разных дел или не истечет со временем сама. Если такой человек может не терять разума от ее избытка, способен закрывать собственные раны, даже прямо во время битвы, – он может стать великим воином – стражем пирамиды. Если же у этого необычного человека получается еще и передавать силу другим – лечить, говорить разумами, – то у него есть возможность достичь большего – стать жрецом пирамиды...

Ярл, вдруг остановился, удивленно посмотрел Игорю в глаза и расхохотался. Воины остались неподвижными, однако журналист готов был поклясться, что внутренне они как-то подо-

²³ Тубанты – второй по значимости племенной союз фризов, в который входит 23 племени. На начало повествования прошло почти 170 лет, как в междоусобице прервалась династия их последнего конунга. Владеют землями в западной части побережья, и страдают от набегов агрессивных янгонских горцев, которых водят в походы воины-жрецы.

²⁴ Игорь – мужское имя, существует несколько версий происхождения. Наименее распространенная – кельтская, где корень [ing] означает «правителя» или «правление». Нашему герою льстит, но учитывая обстоятельства, он решил выбрать менее пафосный и претенциозный вариант от скандинавского имени Ingvarr или Inglar, где первая часть [ing-] имя скандинавского Бога плодородия (изобилия), а вторая [-varr] означает «воинство, сила». Считается, что в древнерусском языке имело значение «охраняющий имя Бога».

брались и парень почувствовал себя несколько неуютно под прицелом двух пар внимательных «прицелов».

– Ингвар, давай договоримся, – предложил хозяин, вытирая слезы, – вы нам помогли, ты и твои спутники – мои гости, и сможете пользоваться гостеприимством, сколько посчитаете нужным. Я обещаю, что постепенно отвечу на все твои вопросы. Но мы в той долине оказались не просто так, поэтому сейчас, мы будем обсуждать только мои вопросы!

– Мне кажется, что это довольно щедрое предложение, – едва скрывая облегчение, согласился гость. – Конечно же, я готов.

– Откуда вы пришли?

– Мы и сами не знаем. До того, как столкнуться с вами, шли, смотрели по сторонам, обсуждали все, и могу лишь сказать: мы родились под другим небом. Сможешь ли ты поверить в мои слова, но это единственное, в чем я уверен.

– А дракон, которого дозорные видели семь дней назад?

– Наверное, говорить «дракон» не правильно. Он не было живым, и не был опасным. Нет, причинить вред такой «дракон» смог бы, но только один раз, да и то, в первую очередь себе, своим поводырям да тем, на кого рухнул бы вниз. Лучше называть его «летающей... колесницей» что ли.

– Значит, твои спутники не солгали: вы прилетели. А как он это делает?

– Извини, ярл, все-таки задам небольшой вопрос: у вас есть, например, большие приспособления, которые с помощью силы воды или ветра вертят камни, а те мелют зерно?

– Да, вода крутит колеса двух мельниц здесь, рядом с городом.

– О, отлично! Тогда мне будет легче. Так вот, представь, что это летела такая огромная мельница, которую по небу гнала сила специальных приспособлений. То ли они сломались, то ли просто эта сила закончилась, но толкать вперед стало нечем, и «колесница» просто рухнула под собственной тяжестью. Остатков силы хватило, чтобы упасть не камнем ровно вниз, а по большой дуге, потому что изначально «колесница» находилась очень-очень высоко. Может быть даже выше двадцати тысяч шагов.

– Кто-то из вас мог бы создать такую же «колесницу»?

– О, нет. В наших землях каждый учится только своему делу, потому что работа стала очень непростой. Особенно такая. Где создают летающей по небу, или бегающие по земле «колесницы». Без лошадей. Я, например, не умею ничего такого строить, но учился десять лет, чтобы просто считаться взрослым мужем, а потом – еще пять, чтобы в моем доме всегда была еда, и мною интересовались женщины, – хмыкнул Игорь. – Те, кто строят такие чудесные приспособления, учатся еще дольше и именно этой работе. А потом они еще стараются узнавать новое о том, как летать, всю остальную жизнь.

– Из какой ты семьи? – после пары минут раздумий, снова ожил правитель.

– Мой далекий предок был одним из вождей свободных воинов на южной границе с опасными кочевыми племенами.

– Его выбрали, или он водил воинов по праву крови?

– Среди них не было принято величаться по роду. Каждый, кто приходил туда, должен был считать остальных братьями. Поэтому – выбрали, конечно.

– Значит, он был хевдингом²⁵.

Игорь неопределенно пожал плечами.

– Они использовали слово «атаман», но может быть и так... В общем, потом предок женился, и то ли за заслуги, то ли из добычи оплатил, но у нашей семьи появились свои земли в

²⁵ Хёвдинг – племенной вождь у германских и скандинавских народов, изначально являлся политическим, военным и религиозным лидером; титул ненаследственный. У фризов используется для обозначения выборных или назначенных военных предводителей племен, кланов, родов или даже отдельных поселений. Синоним слова «военачальник».

не таких опасных местах. Чем мои родичи жили многие годы, семейное предание не сохранило. Почти сто лет назад случилось две очень неудачные войны, а на троне как раз сидел совсем слабый правитель.

Потом, произошел бунт, его вместе с семьей убили, и многие благородные роды тогда пресеклись. Другие вынуждены были скитаться, но все они лишились богатств и земель, которые объявили общинными. Любое богатство вообще называли злом и под такими знаменами ограбили даже тех, у кого всегда была еда на столе. Поэтому моя семья, конечно же, не смогла уберечь поместье. Многие годы вспоминать о благородных предках было опасно, жить – трудно, но с моими родичами не случилось и совсем плохого: прадед сохранил жизнь, и даже был «председателем колхоза»... что-то вроде старосты в своем поселении. Тот, кто передавал остальным приказы правителей: когда сеять, сколько заготавливать, куда отвозить урожай...

Потом случилась самая великая война из тех, что у нас помнят, и его сын – мой дед, на ней выделился, получив титул «майора»... – Игорь ненадолго задумал. – Так, обычно они командуют батальонами, значит, дед имел право водить в бой примерно 400 воинов. Когда победили и он вернулся в свой город, его назначили... так, как же объяснить про «второго секретаря горкома партии»? В общем, это довольно почетный, считалось, что не наследственный титул. Мой дед был слишком честен и справедлив, поэтому для его детей все так и получилось.

– А родители?

– Мама моя из дальних восточных окраин и тоже вышла из воинского рода. Она очень хотела жить рядом со своими родителями, а отец оказался равнодушен к зову власти, и посвятил себя поискам настоящего устройства жизни. Поэтому не особо возражал погруженный в другие потребности, и они уехали на родину мамы.

В это время тот – давний бунт, – перестал считаться чем-то правильным, и жизнь снова изменилась. Многие племена нашего общего народа зажили своим умом, так что от родственников отца мы оказались даже не в соседних землях. Папа не стал служить кому-то из тамошних правителей, посчитал случившееся волей богов и продолжил свои поиски. А вот все, что в поисках истины отбросил он, аккуратно собрала мама и принялась искать титулов, поскольку имела склонность к власти. Но, к сожалению, не богатств, – рассмеялся Игорь. – Она почему-то продолжила верить, что желать много серебра не только неправильно, но и стыдно.

– А какое у тебя было дело для жизни? Ты был воином, купцом, ремесленником или может быть жрецом?

– Нет, ни тот, ни другой, ни третий, ни даже четвертый, хотя в чем-то похоже на «жрецов». Как же объяснить... Я считался Голосом и Глазами народного собрания. Последнее время – на землях рядом с главным городом нашего народа – Москвой. Смотрел, к примеру, как строят новые дома, и должен был рассказывать другим – плохо это или хорошо. Чтобы правильное – перенимали, а вредное – пресекалось. Смотрел, чтобы слуги местного правителя не забывались, и не путали, где их добро, а где чужое. Правда, на самом деле серебро за труд мне давал местный тан²⁶, поэтому так, конечно, не всегда получалось, – Игорь смущенно развел руками.

Едва знакомые, но уже связанные возникшей практически на пустом месте взаимной симпатией, собеседники обменялись понимающими улыбками и задумались каждый о своем. Занесенный в неизвестность, и по нынешним временам достаточно еще молодой парень, стал перебирать все, что он, возможно, потерял навсегда. Разговор всколыхнул в душе все то, о чем старался не думать последние шесть дней.

²⁶ Тан – у фризов формальный глава племени, владеющей правом высшей судебной власти и предводитель племенного ополчения. Для остальных родов чаще всего выступает в качестве третьей стороны, и не может распоряжаться землей, на которой племя проживает. В одних племенах фризов это наследственный титул, в других – выборный. В некоторых случаях действует ограничение, согласно которому избираться может, лишь представитель определенного рода (-ов) или семьи (-ей). При этом право войны и мира относится к прерогативе народного собрания племени.

Его более чем вдвое старший собеседник, разрешивший для себя, насколько возможно дело, ради которого отправлялся в поход, и просто старался дать улечься новым знаниям. Он молча рассматривал сидящего напротив гостя, привычно поглаживая выпуклости подлокотников в виде кабаньих ног.

* * *

Тронный зал крепости Эверберг, осень 2037-ая от Исхода

(3 сентября 2017 год по «земному» календарю)

Почувствовав, что осколки новых знаний заняли свои места, ярл Эрвин снова внимательно всмотрелся в лицо гостя. Чувствуя, как по связи, соединяющей их разумы, доносятся волны огорчения и, догадываясь, кто тому виной, он решил, прекратить на сегодня настойчивые расспросы.

– Ингвар, меня не удивили твои слова о другом небе и мире. Фризы и, насколько я знаю остальные наши соседи, давно не ходят этими путями. Но сами мы пришли сюда именно по ним. Правда, своей волей. Больше двадцати раз по сто лет прошло с тех пор, как предки решили уйти через особые Врата, о которых знали в родственном нам племени хетов.

У тех оставалось мало воинов и земли, но жрецы их бога Салавани – Бога Ворот – хранили один из проходов сюда, и знали еще о двух. Сами они уйти не решались, но утверждали, что живущие здесь желтокожие богаты, земли их теплы, обильны, и хоть они и многочисленны, порядка нет, а сейчас и вовсе бьются не на жизнь, а на смерть. Так все и оказалось...

Многие племена в те годы потеряли земли из-за сильного и многочисленного врага, воины которого пришли от теплого моря откуда-то с юга под железными орлами, – ярл рассказывал легко, как само собой разумеющееся, поэтому не поверить ему было нельзя. Особенно после всего пережитого им самим. – Многие племена исчезли, и снова биться с пришлыми предки побоялись. Однако мысль собраться всем вместе и взять теплые благодатные земли понравилась очень многим. Через год, когда собрались вожди почти сотни племен, все и решилось. Время оказалось и правда подходящим, боги были на нашей стороне и после тысяч битв, мы поделили здешние пашни, луга, леса и шахты...

«Зе-е-емля-яки-и-и!»

– Вы перед этим несколько раз сказали «пирамида». Что это?

– Тебе не известно слово?

– В том-то и дело – знакомо. Вы его произносите как «темпел», но я слышу именно «пирамида», значит должен знать, о чем идет речь. Но нет, не пойму что такое. В голове возникает слишком смутный образ...

– А ты опиши, что оно для тебя значит? – оживился собеседник. – Просто расскажи все, что представляешь, когда произносишь его.

– Некоторая путаница, я думаю, потому, что «пирамида» для меня как раз наоборот, слишком много всего значит. Во-первых, это такая фигура, в основании которой многоугольник, а верхние грани состоят из полос с тремя углами. И этих треугольников столько же, сколько граней у основания. Есть так называемая «правильная пирамида», у которой в основании четырехугольник и треугольников, получается, у него четыре. Если эту фигуру поставить основанием на землю, а сверху провести линию вниз, через то место, где сходятся все четыре треугольника, линия упрется ровно в центр основания.

– Да, именно так выглядят все наши «темпел». Но чтобы приносить пользу, самый малый из них должен быть высотой не меньше 15 человеческих ростов, а грани основания – не короче 34 ростов в длину. Здесь мы молимся нашим богам, и только здесь жрецы черпают силу «Сердец». Правда, их мы строим не полностью, а как если мысленно отсечь вершину на расстоянии одной двенадцатой части от высоты всей пирамиды. Иначе жрец не сможет получить доступ к «Сердцу Власти».

«О, значит пирамида у них означает скорее слово «храм», просто название образно так передается, из-за того, что он, скорее всего, не может быть другой формы. Название фигуры даже в образном мышлении стало нарицательным, – порадовался собственной догадливости Игорь, и тут же сделал шаг к еще одному открытию. – Так, пятнадцать ростов высоты – это же где-то 25-30 метров, а квадрат, лежащий в основании, это же почти в два раза больше. Здоровенная должно быть бандура».

– Ты сказал, что еще что-то представляешь, когда произносишь это слово?

– Очень-очень давно у нас жили несколько народов, которые строили такие же храмы. Некоторые мудрецы даже считают, что почти во всех землях раньше жили такие народы, но вот в это мало кто верит. Однако далеко на юго-восток от земель моего народа хорошо сохранились очень большие пирамиды. Какая-то из них высотой... так, примерно 140 метров – это будет... где-то 85-90 человеческих ростов.

– Должно быть, это были великие народы!

– Наверное. Прошло слишком много времени, приходили многие завоеватели, и сейчас в тех землях правят совсем другие – немного дикие племена. Они водят к пирамидам приезжих за малую цену, ненавидят их, но все равно уговаривают кататься на одно- и двухгорбых животных, и разрешают, жрать и напиваться до свинского состояния, лежа у моря.

– Но это же так опасно! – вдруг пришел в волнение собеседник, подавшись вперед.

– Да нет, многие себе жизнь без постоянных пиров хотя бы раз в год и не представляют?! Нет, у нас, конечно, не так хорошо лечат, как у вас, – Игорь автоматически потрогал аккуратно заштопанный шелк на животе. – Но если кто совсем уж перестарается, его чаще всего спасают.

– Пусть себе пьют, я про «ушедших»! Диен ват ние хир!²⁷

– Все равно не понимаю...

– Разве в них ни чего и ни кого не находили?

– В самих пирамидах?

– Да! В них находили комнаты разного размера?

– Про все не помню, но в самой большой точно были. По-моему, два помещения над землей, в самой пирамиде, и одно – ниже уровня земли. Считается, что те древние народы, которые их строили, создавали их для мертвых правителей, чтобы дожидаться то ли конца времен, когда их призовут боги, то ли еще чего-то...

– Все правильно! И разве они не встают и не выходят убивать своей волей глупцов, что беспокоят их сон?

– Таких случаев у нас не известно. С пустым черепом и без внутренностей не особенно побегаешь...

– Что?

– В пирамидах народа, о котором я говорю, находили каменные саркофаги, где лежали тела, как считают наши мудрецы, правителей, их жен и, по-моему, ближайших слуг. У них извлекали перед захоронением все из черепа и живота.

– Но зачем?! О! – совсем другим голосом добавил ярл, прослушав длинную руладу в исполнении журналистского живота. – Ты же только недавно проснулся. Предлагаю, поделись со мной трапезу прямо здесь. Вне этого места я не смогу долго поддерживать наш разговор, и мы снова перестанем понимать друг друга.

– Сказать по правде, уже бы действительно надо, – смущенно признался Игорь.

– В этом нет стыда, – успокоил его собеседник. – Ты был тяжело ранен, и силу на исцеление плоти тебе передал я, но вот то, чем сращивались раны, твое тело брало из самого себя, поэтому ему нужно много чего восстановить. И для этого придется много съесть, – улыбнулся правитель. – Других способов пока не придумано...

²⁷ Dieeen wat nie hier (фриз.) – ушедшие, дословный перевод – те, кто не здесь; люди, выбравшие вечную жизнь.

* * *

Эверберг, тот же день

Остальные туристы собрались на втором этаже западной части цитадели. Сутки назад, сразу по приезду, их разместились в просторном зале со столом и камином, служившем центром отдельного закутка из почти дюжины комнат. Одолев плотный обед, путешественники раскинулись на широких обитых кожей лавках, меланхолично перебирая редкие сытые мысли.

За предыдущие день и ночь, пока Игорь был без сознания, они никуда не выходили, поэтому женщины успели обсудить все особенности своих очень небольших, но совершенно одинаковых и удивительно уютных после лесных ночевок, комнат. Мнение Анвара по всем особенностям размещения и питания, они тоже выяснили не по одному разу, поэтому проснувшись заметно позже, чем в предыдущие дни, сейчас больше прислушивались к птичьему гомону, время от времени прорывающемуся через немногочисленные бойницы.

– Знаете, до сих пор не могу поверить. Даже на фоне нашего необычного приземления... мы уже несколько раз видели настоящие чудеса, – вдруг оживилась Катя. – И вы, кстати, так и не рассказали подробности, как спускались в тот подвал вместе с Игорем.

Погруженные почти в медитативное спокойствие Анвар, даже вздрогнул от неожиданности, но в глубине души согласился, что ему и самому хочется поговорить об этом со спутниками. В 57 лет мало кто не знает, что можно и самому удивиться от глубины выводов, если проговаривать мысли вслух.

«Или подражаться», – усмехнулся архитектор.

Задумавшись, он на мгновение снова, как в первый раз, прочувствовал всю недавнюю силу своего удивления. Когда предводитель средневековых воинов вдруг заговорил, и его слова неожиданно оказались понятны. В отличие от других местных, что-то лопотавших на какой-то странной и абсолютно не разбираемой смеси, с вкраплениями смутно знакомые западноевропейских слов.

– Как наш здешний хозяин «колдовал» над Игорем и своими воинами, а потом, пешком спускались с гор, вы и сами все видели. Когда через несколько часов, уже внизу, встретили коноводов, тоже думаю, ничего не пропустили. Во время почти суточной скачки на северо-восток, и до приезда в этот город-крепость, чего-нибудь необычного было еще меньше. А вот когда колесницы наконец-то поднялись по извилистой дороге на гору и расстались уже внутри, есть чего рассказать. Правда, не ждите особых откровений... Мы тогда подъехали к отдельной пристройке рядом с цитаделью. Она такая одноэтажная и накрыта почти плоской крышей...

– Да, когда мы на подгибающихся ногах наконец-то слезли с этих хлипких тачанок, ни вас, ни остальных раненных, не было возле коновязи, – подтвердила Наталья.

– ...ну вот. Так и получилось, что стоило повозкам остановиться, солдаты подхватили носилки с Игорем и шестью другими, лежащими без сознания мужиками, и собрались их куда-то нести. Я же ехал в начале колонны, поэтому просто молча соскочил с повозки, и взялся за одну из ручек. Никто не возражал, вот и пошел вместе с ними. Сначала было два очень длинных лестничных пролета, потом еще несколько, но уже не таких больших, и один раз даже путь снова повернул куда-то вверх. Знаете, думаю фактически, мы спустились всего метров на десять ниже уровня той площадки, где выгружались. Просто переместились куда-то в сторону, и само помещение, куда в итоге попали, находится внутри какого-то сложного каменного сооружения. Из-за этого дорога, наверное, и получилась такой замороченной.

Мы пришли в не очень большой зал из одинаковых каменных блоков. И вот здесь остальных раненных положили на пол, а нашего боевитого журналиста на что-то вроде алтаря. Такой продолговатый кусок гладкого и красивого булыжника пару метров в длину и по метру в высоту и ширину. По бокам весь украшен барельефами с людьми, несущими носилки к здоровому мужику то ли с копьем, то ли с факелом в руках в руках.

– А статуи какие-нибудь там есть? – заинтересовалась Наталья.

– Нет, ничего такого. На стенах что-то было, но мне оказалось не до экскурсий. В общем, парня же видели перед этим? Весь в крови, бледный, дырки в животе и в спине ему вроде перетянули, но, думаю, не они самое опасное. Игорь же еще и изрядно удариться мог, когда пролетел метров десять со скалы. Хорошо хоть упал на трупы, а не на валуны. И когда мы его положили на этот алтарь, вспыхнул зеленый свет... точнее не так. Начало светиться, как будто бы такое зелено-голубое облако. Над тем постаментом-лежбищем, о котором рассказывал. И светилось довольно ярко, но на стенах никаких бликов или еще чего. Оно как бы само по себе висит и клубится, а их предводитель водит поверху руками и чего-то про себя бормочет негромко...

Сколько по времени это продолжалось – не скажу, – Анвар задумчиво почесал нос, – но тут хозяин достает здоровый ножик и начинает срезать повязки. А там... нет, не гладкая кожа, как по шучьему велению, но такое ощущение, что раны нанесли не около суток назад, а месяц, или даже больше. На груди, в районе ключицы, огромный синяк, уже не то, что проявился, а даже пожелтел и выцвел. Все раны по-прежнему видно, но их края сомкнулись. Хоть и ничем не прошиты, а при этом не расходятся. Когда Игоря стали ворочать, чтобы перевернуть на живот, я очень за него испугался, но нет, все оказалось правильно. Потом поверху раны ему чем-то смазали, и заклеили кусками ткани. Когда начали то же самое делать для остальных, я уже не смотрел, потому что помогал тащить парня, только уже куда-то наверх. Позже оказалось, что в крепость. Могу поклясться, что в ближайшее время он присоединится к нам совсем здоровым...

* * *

Надо признать, что Анвар почти не ошибся. К этому моменту журналист уже всю общался с местным правителем. Но вот сам Игорь, спустя несколько часов, начал в этом очень сильно сомневаться.

Привыкнув за первые две недели отпуска и почти шесть дней пути только лежать или идти, он страшно измучался, просидев с раннего утра и почти до вечера. Позвоночник, да и спину вообще, отчаянно ломило, зад стал как деревянный, а ноги прямо крутило от желания хоть немного пройтись. Но боясь разрушить невзначай возникшую приязнь, и понимая, насколько они зависят от доброго отношения местного «губернатора», стоически переносил неудобства.

– А кто сейчас под вашим небом самый сильный? – задал очередной нескончаемый вопрос Эрвин Сильный.

– Сила, это же не только мечи. Это и накопленные богатства, и оружие, и внутреннее единство, и решенные вопросы наследования...

Ярл Эрвин утвердительно покивал, и как-то более уважительно посмотрел на разошедшегося политобозревателя.

– Те, кто сегодня сильнее всех, живут с другой стороны большого моря...

– ...ты про два острова недалеко от наших бывших земель? – уточнил правитель, подрагивая, очевидно Британию.

– О нет, они сильны, но их время давно прошло. Я говорю о землях, намного дальше. В той стране всю власть поделили несколько богатых семей, и они часто сменяют правителей. Из-за чего действуют, как разбойники, нападая и грабя других, даже если совсем недавно обещали защиту. Каждый их следующий правитель всегда может сказать, что ничего не должен. Они выделяют денег своим дружинам больше всех остальных великих народов, но лет сорок-пятьдесят назад их побили желтокожие и немногочисленные храбрецы маленького роста, заманив в свои леса. И с тех пор, они бьются только с совсем слабыми. Еще и нападать стараются не в одиночестве. У них так давно не было достойных противников, что даже их собственные хевдинги иногда начинают говорить, что увидев сильных врагов, хускарлы разбегутся как испуганные дети. Да и благополучие их пошатнулось. Народ заметно обеднел, по сравнению

с недавними временами, поэтому многие мудрецы считают, что их время заканчивается. Но пока они все еще впереди.

Вторыми по силе считается самый многочисленный под нашим небом народ. Желтокожий. Их долгое время грабили все подряд, но с полвека назад они снова сплотились, а в последние годы и вовсе набрали большую силу и богатство. Их достижения все признают, но опытные вожди помнят, что воины этого народа никого и никогда не побеждали. Ну, понятно, кроме своих же родичей.

Третьими по богатству и влиянию стоят те, кто живет на покинутых вами землях. Они объединились с живущими у теплого моря, вашими бывшими врагами, но по-прежнему разобщены, да и изнежены неимоверно. Поэтому третьими по силе я считаю свой народ. Хотя многие годы мы были очень слабы.

«Ну и ладно, потерплю, от этого не умирают... в отличие от стрелы в пузо. Как и от копья в печень или куда там, у местных, тыкать принято. В конце концов, все, что сейчас узнаю, оно же не только полезно, но и действительно интересно...»

Как будто почувствовав внутренние метания, ярл прервал попытки разобраться в нынешнем мироустройстве на Земле, и предложил пройти «тут не далеко».

– Сегодня ничто не указывает на необходимость спасти жизни, поэтому сил у меня хватит на некоторое время, чтобы понимать друг друга и вне трона. Пойдем, ты должен это видеть сам, – телохранители привычно заняли свои места впереди и позади процессии.

Оказалось, что толщина стены в том месте, где тронный зал соединяется с цитаделью, те же пять с половиной – шесть метров, как и с южной стороны, а за пышной занавеской скрываются невысокие, но очень крепкие ворота из широких деревянных плах, практически скрытых под сантиметровыми бронзовыми полосами. Проход в стене вывел в прямоугольный крытый двор размерами примерно тридцать на пятнадцать метров. Потолком этой полости, в теле пятиэтажной крепости, служил пол, наверное, минимум третьего этажа.

Бывший репортер успел рассмотреть, что с широких балконов справа и слева от перехода, можно очень удобного закидывать потенциальных нападающих копьями и расстреливать из луков. И судя по всему, само помещение служило для временного хранения седел, колесниц и упряжи к ним. Самых лошадей в тот момент не было, но полтора десятка надежных коновязей и неистребимый запах, нельзя было не заметить.

До цели идти пришлось действительно недалеко.

После защищенного дворика они пересекли помещение с полусотней узких комнат-пеналов, судя по развешанным щитам с одинаковым рисунком кабаньей морды, коротким копьям и узнаваемому запаху, не могущую быть ни чем кроме казармы. Затем двадцать ступеней вниз по спиральной лестнице, и вот она точка назначения – огромный каменный подвал, перегородженный пополам частым переплетением бронзовых прутьев.

С наружной стороны решетки остались столы и полки с кузнечными, или скорее слесарными инструментами (судя по отсутствию горнов или каких других источников огня, кроме пустых сейчас держателей для факелов). Изнутри же хранились просто горы разных приспособлений для смертоубийства: всевозможные мечи, копья, стрелы, щиты. Когда не замеченный в свете единственного светильника кривоногий здоровяк зазвенел ключами и открыл новый проход, Игорь, зависший от всего этого богатства, как раз успел про себя пообещать, что не даст себя увести отсюда слишком быстро. А уж если мелькнет шанс чего выцыганить, то грош ему цена, если не сможет воспользоваться моментом.

«О, Боже, не дай мне оказаться конченным лошарой, удержи от излишней наглости, и научи отделить одно от другого!» – мысленно взмолился впавший, от вида острых мужских игрушек, в детство журналист.

* * *

В тот день Игорь так и не смог встретиться со своими спутниками. Почти час, просидев в оружейной, они с ярлом снова вернулись в тронный зал, и теперь уже беседовали до самой поздней ночи. Лишь изредка отвлекаясь на еду или легкое вино с небольшими медовыми яблоками. Встреча состоялась только на следующее утро.

Проснувшись часам к десяти на прежнем месте, он как мог, попросил встречного воина, отвести его к спутникам. Не смотря на дискуссию большей частью жестами и мимикой, тот прекрасно понял, и уверенно направился в западную часть цитадели.

Собравшиеся у стола с только что принесенным большим котлом с жареными кусками мяса и овощей, путешественники встретили явившуюся практически с того света пропажу криками и объятиями. От такого энтузиазма все растрогались, и чтобы скрыть неловкость, с радостью поддержали предложение «сначала мясо, а потом разговоры».

– Интересно, что за мясо? – чуть позже нарушила молчание Катя. – Вроде что-то знакомое, но из-за непривычных специй, никак не могу понять.

– Думаю, просто свинина, – предположила бухгалтер.

– Кабанина! – уточнил Игорь.

– Ты, как-то слишком уверенно это утверждаешь. И вообще, все уже почти наелись, давай, рассказывай, что это за колюще-режущее на твоём поясе? – потребовала Наташа, в свойственной ей напористой манере.

– По дороге сюда меня вели через кухню, и видел щетинистую тушу одного такого чудовища. Действительно, здоровые и надо заметить вкусные твари! Хотя и жестковатые, – рассмеялся парень, отодвигая не до конца опустошенную глиняную миску. – Нравится?

Чуть отклонившись от стола, он развязал узел на ремне, и снял его вместе с кожаными ножнами, украшенными блестящими бронзовыми накладками. Объемная чеканка в виде виноградных листьев и ягод, такие же красивые, только теперь уже круглые пластины, напирали друг на друга, и тесно покрывали середину широкого, плетеного из кожаных лент, пояса.

– Кто-нибудь смотрел «Властелина Колец»?

– Я видел, неплохой фильм, – удивился постановке вопроса Анвар.

– Там у хоббита Фродо Бэггинса был эльфийский кинжал «Жало» или по другому варианту «Шершень». Малорослик им сражался, в силу собственных размеров, как мечом. Так вот, где-то читал, что изготавливая его для фильма, разработчики вдохновлялись греческим «ксифосом» – мечом эпохи поздней бронзы. Правда, потом это оружие стали делать из железа, а в нашем случае – из очень хорошего железа!

Произнеся с явной гордостью эти слова, Игорь плавным движением легко извлек 70-75-сантиметровое лезвие, охотно скользнувшее по налитой каким-то растительным маслом шерсти внутри ножен. Нельзя не признать, что прямой листообразный клинок с ярко выраженным острием привлекал внимание даже не склонных к таким игрищам женщин. Положив его аккуратно на стол, парень уточнил, что желающие могут потрогать, только пусть имеют в виду, что эта штука обоюдоострая, поэтому хорошо заточена с обеих сторон.

– Остаться не то, что без пальца, даже без руки – секундное дело! – уточнил он с видом старого ветерана и рассмеялся совершенно счастливый. – Мы, кстати, не побирушки какие-нибудь, а вполне способны «оплатить счета».

Встретив очень заинтересованное молчание, уточнил, что вчера ему передали их общую добычу. Правда, тяга к юмору не могла не выглянуть и здесь, поэтому парень с удовольствием сообщил, что даже совсем свободные женщины по здешним законам, имеют право на свой дом, скот и все прочее, но никак не могут претендовать на воинскую добычу:

– Когда стал расспрашивать, правитель уточнил, что если бы я «кормил всех со своего стола», в смысле – платил всем жалованье, – мог бы все забрать себе. Но поскольку мы вместе бились как ополчение, у меня должно быть три доли добычи против одной, как у предводителя.

Потом, он правда, заржал, и сказал, что бабы все равно не могут считаться участниками, но предводитель имеет право предложить остальным, выделить награду отличившимся...

Игорь сделал подчеркнуто серьезное лицо, и всем телом повернулся к Анвару:

– Скажи мне, о достойный муж, считаешь ли ты возможным выделить доли присутствующим здесь храбрецам? Пусть они, к сожалению, и женщины...

– В этом не будет ущерба нашей чести, – выдержав небольшую паузу, согласился широко улыбающийся пожилой архитектор.

– Так и постановим! – хлопнул по колену Игорь.

Женщины быстро перебрали посуду и составили грязные миски на один поднос. Анвар в это время принес отставленную в сторону корзину с лишь частично знакомыми фруктами-ягодами, и переложил все на центр стола. Журналист в это время наполнил вином нужное число простых деревянных чаш и снова затянул пояс. Правда, возвращать меч на место пока не стал, признавшись, что с непривычки не очень удобно сидеть или ходить с ним.

– Ладно, давайте уже расскажу, чего разведаль! Мы вчера с ярлом весь день проговорили. Сначала он больше расспрашивал, но когда узнал все что хотел про наш самолет и про нас самих, принялся охотно рассказывать. Вы же уже с ним «общались»?

– О да, это было еще то шоу! – закивали дамы. – Представь, сразу после драки они дорезали всех этих «вьетнамцев»...

– ...янгонов.

– Что-что?! – переспросила Катя.

– Желтокожие называют себя «народ Янгон».

– А-а... ну короче, пока одни догоняли убегающих, другие – резали тех, кто не может ходить или не хотел сдаваться, он стал чего-то там шаманить со своими ранеными и с тобой, конечно. Потом видать, когда главное сделал, поворачивается к Анвару и что-то ему говорит.

– Может, давайте по порядку? – предложил Игорь.

– Ну, если совсем по порядку, то это тебе было хорошо. Раз – и уже внизу, – расхохоталась Наталья. – А мы еле-еле сумели слезть и не поломать ног.

– Да! – продолжила Катерина. – Представь, как мы обалдели, когда этот – со здоровым топором, – подходит и говорит что-то на своем непонятном, а Анвар весь аж сморщился, от попыток сообразить, что происходит, но отвечает ему тоже, на своем – ну в смысле на русском. И ты представляешь, они при этом друг друга явно понимают! Мы стоим, глазами хлопаем, бред же какой-то!

– Тогда еще уточню, что некоторые мысли и слова остаются невнятными. Если правильно догадываюсь, то когда есть четкий аналог какого-то понятия – все просто. Когда нет, приходится много переспрашивать, а это не всегда удобно. Кстати, сегодня перееду в ваше крыло, чтобы всем нам быть поближе, просто на этаж выше. Там есть как раз три отдельных комнаты. И еще: договорился, что ярл подберет пару служанок по смышленее, которые обслуживать будут только нас, и самое главное, помогут быстрее заговорить на местном «фриза», – картинно уперев кулак в бок, Игорь принял горделивую позу человека, готового выслушивать восхваления.

– Нет, вы посмотрите на него, не успел оклематься, и уже новых баб нашел... – не особо-то и шуточно озвучила претензию Наташа, отчего обе спутницы как-то недобро, и самое неприятное дружно, посмотрели на почти уже и не героя вовсе.

– Дамы-дамы, – закрылся ладонями оратор, – безусловно, мне увлекательно следить за направлением ваших мыслей, но вы совсем не о том думаете! Я же внятно артикулировал свое сообщение «посмышле-е-енее»! А не это ваше... – Игорь изобразил двумя руками размашистые волнистые движения спереди и позади себя.

Поспешно отвернувшийся к стене архитектор издал что-то вроде хрюканья, явно пытаясь не привлекать внимания.

– И не говорите, совершенно с вами согласен, коллега! – театрально изобразив печаль на «постном» лице тут же отозвался начинающий стендап-комик. – Только второй день как начали нормально жить, и уже все мысли о каких-то глупостях! Ну ладно Катя, ей в силу возраста все внове, но вы, Наташа, такая опытная и выдающаяся... гм, во всех отношениях женщина.

* * *

Отсмеявшись, путешественники сдвинули чаши, и выпили белого, с легкой кислинкой, вина, под незамысловатый тост «Будем жить!». На фоне последних приключений, он прозвучал как-то излишне глубоко, и за столом ненадолго повисла тишина.

– Давайте я уже закончу со своим «докладом», – решил излишне не рефлексировать Игорь. – Мы сейчас находимся на большом материке, который возможно даже не меньше Евразии и Африки вместе взятых, но я мог чего и не так понять. Фризы хорошие мореплаватели, но у нас система «мер и весов» слишком разные. Не все смог разобрать.

Наш кусок побережья – это северная часть материка, но находится он, все же в теплых краях. Ярл говорит, что ближе к морю вообще жарится. Тропики или субтропики – не очень в этом разбираюсь, но растет здесь даже бамбук, и как видите, – журналист кивнул на стол. – Многие другие, совсем южные вкусности. Эта часть побережья отделена от основной части материка мощным горным хребтом со снежными вершинами. За шесть дней в пути мы думаю, насладились видами. Хотя можно выглянуть, в южные, восточные да даже в ваши – западные окна, чтобы еще раз в этом убедиться. Вся территория побережья называется Эйдинард²⁸.

Дав всем обдумать услышанное, Игорь через некоторое время снова продолжил:

– Да, хребет прерывается лишь в одном месте. Если решите полюбоваться, лучше всего смотреть на юг. Вокруг прохода горы заметно ниже и есть даже легкодоступный участок, который с той стороны переходит в лесостепь и потом – в степь. Перевал называется «Врата батавов»²⁹, и мы рухнули от него совсем невдалеке. Это кстати, переводит наш разговор не в географическую, а скорее в историческую плоскость...

По словам докладчика, больше двух тысяч лет назад, когда предположительно римляне захватили территории нынешней Франции и частично Голландии, многим кельтским и германским племенам пришлось драпать. Куча народа осталась без пахотных земель, а значит, должна была или исчезнуть, или воевать с бывшими соседями. Исчезают люди неохотно, и тут какие-то жрецы предложили рвануть в далекие теплые края, где сейчас тоже идет заваруха. В этот поход выступили почти сто племен.

– Может быть и правда, «сто», а может, округлили для красоты, но через год они свалились на головы янгонов и даже со временем смогли их победить, – уточнил Игорь.

– То есть наши хозяева здесь не местные? Завоеватели?

– Кать, не заморачивайся, янгоны в свое время тоже отгеноцидили целый народ. В общем, было 23 княжества или города-государства у тогдашних местных, а примерно через 170 лет наши земляки кого совсем погромили, кого просто выдавили вглубь материка или в горы. На побережье все крепости янгонов удалось захватить или разрушить. Кто не сбежал, тех раздробили на части, и низвели до уровня мелких данников.

В процессе всего этого дела, фризы разделились на три племенных союза. Самые многочисленные – кинифаты, – взяли центр, тубанты – запад, а токсандры – восток. Наши хозяева, кстати, относятся к кинифатам, правда, больше формально. У них тут культ личной преданности, но поскольку у союза давно нет общего правителя, подчиняться как бы некому.

– Почти два века резни – это долго... – заметил Анвар.

²⁸ Эйдинард (фриз. [Einde van die aarde] Край земли) – северная и северо-западная прибрежная часть материка, на котором потерпел крушение самолет. Отделена от остальных земель огромной горной цепью.

²⁹ Врата батавов (фриз. Nekka batava) – высокогорный проход, соединяющий Эйдинард с остальной частью материка. На языке янгонов – Лам Пут («Проход»).

– Ну, да, только основная часть истории собственно на этом не закончилась. Спустя 81 год, как отгремела последняя большая война, первые Врата с Земли открылись снова, и оттуда выползла еще одна группа из пестрой смеси германских, частично романизированных кельтских и вроде славянских племен. Ярл упомянул венедов, а я точно помню, что такие славяне жили как раз на побережье Балтийского моря. Этих переселенцев возглавляли батавы. Вроде не все племя ушло, но довольно много воинов не захотели больше служить римлянам. Они тоже, как понимаю, германское племя. Новые переселенцы смогли благодаря сохранившейся общности языка избежать драки со своими родичами из первой волны, но свободных пашен просто не было. Поэтому пришлось дожимать янгонов. Для этого оставалось всего одно направление: как раз в лесостепи, через единственный горный проход.

По словам Игоря, выходило, что понадобилось еще почти сто лет непрерывной резни, чтобы добить организованные остатки подавленных туда с побережья янгонов. Некоторую часть они смогли подчинить, но большинство были либо уничтожены, либо ушли еще дальше в степи. И теперь проход называется «Врата батавов», а тамошние предгорья и частично лесостепь, поделили между собой очередные пришельцы.

– Правда, потом там начались свои заморочки, но это уже другая история. Не знаю, сколько пришло с Земли в самом начале, но сейчас у фризов 76 племен. Сколько это «в людях» – не в курсе. Ярл говорит, что одни племена и трехсот воинов не наскребут, другие – могут легко выставить пять-семь тысяч и больше, – развел руками журналист.

– А вы не говорили про их волшебство? – снова оживился подмосковный архитектор.

– О, это была важная тема! Все здесь вертится вокруг пирамид. Они у них служат храмами и не только. Самая маленькая не может быть меньше 25-30 метров высотой, а формой напоминает правильную квадратную пирамиду. Точнее сказать не могу. У них все измеряют в «человеческих ростах», но сантиметровой линейки-то нет, поэтому пока только приблизительно прикинул. В каждом городе или крепости их строят обязательно, и все это лечение и прочие чудеса, без храмов почти невозможны.

– Подожди, как так «невозможны», а как же тогда тебя лечили, не везли же ее с собой?! Она у них надувная, что ли?! – рассмеялась Катя.

– Нет, конечно, пирамиду с собой не везли. И она вполне себя каменная. Точнее бетонная. Просто местные правители чаще всего одновременно и жрецы, поэтому способны некоторый запас сил брать с собой.

Туристы обменялись недоуменными взглядами. Казалось, они пытаются решить для себя какую-то мучительно-сложную задачу, но с интересом наблюдающий за остальными журналист, не произнес ни слова. Наконец решив, что удовольствия может быть и лишним, он рассмеялся и решил сдаться.

– Вы, наверное, пытаетесь понять, ну где на вершине горы, в городке, который в лучшем случае пятьсот на триста метров, можно спрятать такую махину?

– Ну конечно!

– Все подсказки уже прозвучали, и Анвар, вы же сопровождали тяжелораненных...

– Бли-и-ин!

– Да! Фризы, когда сюда пришли, почти сразу осознали все плюсы пирамид. И большинство старых, еще янгонских, выглядят как раз почти так, как вы ожидали, произнося это слово. Только не как египетские. Формой они больше напоминают ацтекские – посреди поселения, ступенчатые, и с усеченной вершиной. Но почти 700 лет назад, фризы смогли перенять технологию, и теперь возводят их так, как им удобнее: сначала выкапывают котлован, а потом, когда закончат строить, засыпают сооружение почти по самую маковку. После этого можно сверху возводить всякое нужное, в том числе крепости.

– Так она под крепостью?

– Не совсем. Видели тот аппендикс с северной стороны? Это тронный зал. Вот под тем местом, где стоит трон, как раз и находится центр ее вершины. И это делается для того, чтобы одна из четырех точек концентрации сил сливалась с сидящим на своем месте правителем. В полной темноте видно, что там переливается неровный ярко-синий шар. Они его называют «Сердце Власти», и такая штука позволяет жрецу делать многие вещи, в том числе сколько угодно долго держать «Мост разумов» и немного управлять эмоциями окружающих.

– Ты сказал «одна из четырех точек», а что еще? – загомонили женщины, перебивая друг друга.

– Как мне объяснили, есть еще три «сердца» внутри сооружения. «Алтарь» – находится на центральной оси пирамиды где-то на $1/7$ от общей высоты над основанием. По словам ярла, это чисто «техническое помещение» и называется «Сердце Пирамиды». С помощью него проводят какой-то ритуал, чтобы храм признал жреца.

То место, где всех лечили, находится на $1/3$ от геометрической высоты, и точка как бы сдвинута к югу от центральной оси еще на $1/12$ от высоты. «Сердце Жизни» напоминает синее-зеленое облако и способно восстановить любой сложный организм – человека, собаку, лошадь, а вот какого-нибудь насекомого – уже нет. При этом размер «облака» может заметно меняться, в зависимости от того, используется ли энергия. Если слишком много раненных, оно сожмется до небольшого шарика, годного лишь на поддержание жизни в одном единственном теле. Сама по себе пирамида восстанавливает только один организм за один сеанс, но полностью. А вот если рядом жрец, изменения в организме происходят целенаправленно: например, только обновить кровь, зарастить раны и прочее. Это помогает сохранить силу и спасти многих.

– А что за четвертое «сердце»?

– Вот тут по мне, так прямо удивительная чертовщина. Самое нижнее и большое облако, называется «Сердцем Вечности». Напоминает темное пятно, клубящееся вокруг некой условной точки, расположенное под центром основания пирамиды. Примерно на $1/5$ ниже уровня ее высоты³⁰. Любой человек там через некоторое время как бы засыпает, процессы в организме замедляются, и он может находиться в таком состоянии сколько угодно долго. Но если дверь открыть в то помещение, человек довольно быстро снова очнется, при этом совсем не постаревшим. Таких тут называют «ушедшие», и изрядно не любят. Так и не понял почему.

– А как на счет вернуться? – после недолго молчания, срывающимся от волнения голосом, Катя озвучила общие чаяния.

– По словам ярла, Врата, через которые они пришли, разрушились. И больше полутора тысяч лет ни чем таким они не пользовались. Если все правильно понял, строительство и использование храмов-пирамид, сами янгоны переняли у тех, кто жил здесь намного раньше. А технологию Врат – то ли не смогли вообще, то ли не до конца, то ли слишком дорого их возводить... В общем, ребят, я бы сильно на это не рассчитывал.

³⁰ Места размещения комнат в пирамидах, описываемых в романе, пропорционально списаны с единственного из сохранившихся семи чудес света – пирамиды Хеопса. Расположение «Алтаря» – египтологи считают «Камерой Царицы», точку размещения «Сердца Жизни» – «Камерой Царя», «Сердце Вечности» – заняло так называемую «Нижнюю подземную камеру».

Глава 3. Переселенцы

Эверберг, осень 2037-ая от Исхода

(18 сентябрь 2017 года по «земному» календарю)

За последние две недели произошло не так много событий, но скукой даже не пахло. Бывшие жители земного XXI века спали, ели, пили, а иногда и выпивали. Женщины, в сопровождении Анвара, ежедневно бродили по цитадели, да и всей остальной крепости, стараясь рассмотреть за обыденной суетой местные традиции и привычки.

Игорь ко всему этому, еще хотя бы пару часов в день общался с ярлом или его страхолудным мастером-оружейником по прозвищу Бэйтель – с фризского «Зубило». Когда Катерина или Наталья начинали «трясти» парня на предмет, чего это он сутками пропадает в подвале под казармой для хускарлов-холостяков, тот всегда отшучивался и дело заканчивалось диагнозом, что «этот гад все равно не признается». Надо заметить, так оно пока и получалось.

Но самым главным было, конечно же, старание бывших туристов при каждой возможности учить язык. Ежедневно ближе к ночи, а иногда и еще перед ужином, они устраивали что-то вроде «классного часа». Вынужденные переселенцы обменивались выученными словами и идеями о принципах построения предложений на фриза. Были даже какие-никакие, но заметные успехи. И не в последнюю очередь, благодаря двум 12-13-летним дочерям местных бондов, которых приставили по очереди обслуживать странных чужаков.

Две живые светловолосые юлы прекрасно справлялись с незамысловатой работой вроде стирки-уборки. Вовремя и по первому требованию приносили еду, помогали с учебой, и отличались вполне себе сформировавшимися женскими пропорциями. Однако подозрительные взгляды бывших москвичек не могли уловить даже скрытой попытки со стороны своих спутников, растлевать молоденьких и простоватых язычниц.

Сегодня они даже организовали небольшой «заговор». Выбрав в качестве «жертвы» самую старшую и более разумную горничную. Дождавшись, когда после завтрака мужчины займутся своими делами, они поймали девушку в коридоре между замковой кухней и собственными покоями, и пустили в ход все свое обаяние и знание языка. Ход этот, однако, принес несколько неожиданные плоды.

Выяснилось, что земляки Свани³¹, не видят в добрачных шашнях ничего особенно пугающего. В отличие от порицаемой супружеской измены, молодым девушкам позволялось довольно многое. И хотя сама жертва «пыткок», призналась, что пока еще не изведала плотских радостей, по ее словам выходило, что дети до брака в здешних краях вовсе не считаются чем-то необычным. Поэтому случаются. И происходит это, во-первых, нередко, во-вторых, в довольно раннем возрасте.

– Разве, что если бы какая-нибудь дурочка спуталась с рабом-янгоном. Вот тут бы ей всыпали так, что дней двадцать присесть не смогла бы, – уточнила девушка, явно вспоминая что-то вполне конкретную историю.

Эта информация позволила «дознавательницам» сделать сразу два логичных вывода. Сначала согласиться, что нравы здесь царят должно быть очень уж «простые». А потом и порадоваться, что расспрашивать решили все-таки не вторую помощницу – Линд³². Та, не смотря на более юный возраст, полностью соответствовала своему имени, да еще и не так давно что-то явно на эту тему для себя «открыла». При каждой удобной возможности, девица так заинтересованно ощупывала взглядами всех проходящих мимо мужчин, что даже Анвар в свои пятьдесят семь, начинал неуверенно сопеть.

³¹ Свани (древнегерм. swan) – лебедь.

³² Линд (готск. lind) – мягкая, нежная, гибкая.

– Ага, такой только подскази, – озвучила общую мысль Катя, под одобрительный и немного раздраженный смех старшей подруги, когда их «жертва» рванула за будущим обедом.

Сторонний наблюдатель мог бы легко угадать по хмурым и немного раздосадованным лицам женщин, что у них явно были некие «недружественные» планы на их спутников. Уж на Игоря точно. Но обладай «шпион» еще и возможностью заглядывать в души, он так же просто смог бы выяснить, дело при этом было не в простом стремлении землянок замкнуть всю личную жизнь шептунного журналиста только на себя или во вспыхнувшей неимоверной страсти.

Да, парень им нравился, но дело все-таки было в другом. Неожиданный результат отпуска, разом перечеркнувший их прошлую жизнь, заставлял женщин по-особому беспокоиться о будущем. Оказавшись в чужом беспокойном и главное патриархальном мире, где что-то решали только мужчины, они считали крайне неразумным рисковать своим шатким положением.

Всей своей женской природой они чувствовали, что сейчас оказалось бы вдвойне глупо «позволить» единственному члену их группы, увлечься какой-нибудь местной вертихвосткой. Игорь стал единственным из них человеком, у которого неожиданно неплохо получалось заботиться обо всех остальных. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб предположить: вряд ли их положение укрепит, если он прямо сейчас вдруг примется делить свое внимание и привязанность между ними и кем-то со стороны.

Прямо такие вещи не оговаривались, но им и не нужно было проговаривать вслух настолько очевидное. Поэтому переглянувшись, после ухода горничной, они все так же молча и целеустремленно зашагали куда-то в сторону ванной. Кажется, заговор набирал силу...

* * *

Пока москвички обдумывали первые последствия своего «заговора», их беззаботная жертва сидел в неплохо обжитом за прошедшие дни общем зале. Игорь меланхолично ворошил по столу больше двух с половиной килограмм серебра. Монетами была в лучшем случае четверть от кучи. Остальное состояло из грубоватых поделок в виде шейных гривен-торквесов, массивных браслетов и прочего недешевого хлама.

Сражаясь с целым набором гирек и примитивными весами, он время от времени путался и начинал все сначала. Пытаясь наконец-то все пересчитать, дважды вынужден был стрепать шелестящую груды и, бормоча невнятные ругательства, продолжать свои попытки.

Непривычные местные гелды³³, полугелды³⁴, разнообразные тройные монеты³⁵, так и норовили перепутаться и требовали сосредоточения не меньше каких-нибудь дифференциальных уравнений. Филолог, конечно же, их никогда не решал, но представлял себе процесс именно так.

– О, отлично, народ, давайте все сюда! – оживился казначей, когда дамы вошли в комнату. – Будем социализироваться: я вам о местных деньгах и ценах наконец-то расскажу.

– Привет, пропажа! – не упустила возможности закинуть шпильку Катя, несколько разочарованная невниманием последнего времени.

– Присаживайтесь! В общем, у них здесь удивительно запутанная денежная система и еще непривычное соотношение стоимости товаров. Кто бы, например, мог подумать, что хлеб,

³³ Гельд (фриз. [gelt] цена) – серебряная монета, содержащая 1,7 гр. чистого металла, диаметром в 18-21 мм; из-за низкого уровня технологий имеет неровную округлую форму. Традиционно украшалась изображением знака мирных намерений – ладони, – так как изначально чеканилась для выплат штрафов за убийства или ранения.

³⁴ Полугельд – содержит от 0,8-0,85 гр. серебра при диаметре монеты в 12-14 мм; и поскольку был самой популярной серебряной монетой, чеканится часто и по разным поводам; чаще всего украшается «счастливой» руной Вуньо, похожей на кириллическую заглавную «Р».

³⁵ Тройной гелд – так называемые «победные гелды» – монеты содержат 5,1-5,2 гр. серебра при диаметре в 24-27 мм. Чеканилась из добычи, и украшалась родовым знаком племени, возглавлявшим поход.

может быть очень дорогим?! Вот смотрите, – Игорь отодвинул от общей кучи несколько похожих друг на друга сплюсненных кусочков серебра миллиметров по двадцать в диаметре. – Каждая такая штука называется «гельд». Считайте, что это такой местный серебряный конвертируемый «рубль». Если вы обманулись его размерами, то зря. Обычно одного такого блинчика достаточно, чтобы купить двенадцать пшеничных караваев весом почти в килограмм каждый. Или пятнадцать – ржанных, двадцать – ячменных, и двадцать пять – из овса. За такую монету, местные продадут глубокую миску меда, половину овцы или живого ягненка.

Довольный собой докладчик снова смешал серебро в кучу, и начал пересыпать монеты в черненый кожаный мешок, в котором их и принес, не забывая оставить на столе три почти равных стопки дензнаков. Потом, очевидно, вспомнив, что обещал, подробностей, стал выбирать все остальные варианты монет, и передавать на осмотр, выглядящие поновее. Надо признать, лекция не сильно затянулась.

– Хорошая местная мясомолочная корова стоит около дюжины гельдов, правда, иногда в виде добычи пригоняют степных. Они меньше размерами, плохо доятся – но намного дешевле и могут, есть почти любую траву. Даже добывать ее зимой. Здесь на побережье, конечно, тепло, но мало лугов, а в предгорьях бывает прохладно, – охотно пояснил Игорь. – Кстати, обычная кобылка стоит три дюжины таких монет, а приличный боевой конь – уже от семи дюжин и... не знаю, как «далеко». Это минимум 84 гельда или почти полтора грамма серебра. Хотя фризцы только недавно снова стали массово воевать верхом. Тут же большая часть земель – холмы, горы и леса: не сильно разъездишься, или почти полностью распаханная местность вдоль рек, поэтому содержать коня обычному человеку слишком дорого, – слез на более приятную тему 29-летний пацан.

– А за работу, ты не узнавал, сколько здесь платят? – вернулись разговор в прежнее русло, с недавних пор безработные путешественники.

– Тут все мужчины с детства учатся владеть оружием. Естественно, это я про благородные, или как минимум – богатые семьи. Бедняки нередко придерживаются это традиции лишь формально. Во-первых, чтобы научить военному ремеслу, нужно самому уметь, во-вторых, оружие – штука сильно не дешевая.

– В смысле, бедняков в армию не берут? – удивился Анвар.

– Почему, бывает, так прижмет, что приходится созывать племенное ополчение. Тогда, конечно, идут почти все мужчины подходящего возраста и здоровья. Но если, например, сыну свободного бонда захочется годик-другой подзаработать наемником в охране у какого-нибудь купца, то тут уже нужно чего-то уметь.

И платят при этом, за первых полгода около 30 гельдов. За следующие шесть месяцев меньше – уже около 25. Это все при полном содержании и при необходимости – лечении, конечно, но без права на добычу. Могут быть еще какие-нибудь премии, но вряд ли большие. То есть получается 55-60-65 монет в год да еще с риском для жизни. Это, конечно, не боевой поход, где обязательно в итоге придется подраться, но все же не сахарной ватой торговать. Полноценным бойцам платят уже побольше. Где-то монет 90 в год – можно заработать.

Если кто-то захочет выучиться на плотника, кузнеца, ткача, кожевника или кого еще, такое удовольствие обычно обходится в 30 гельдов за два-три года. Понятно, что все это время придется работать много и в основном за еду, – добавил он.

Игорь закончил ссыпать серебро, и перепроверил оставшиеся на столе одинаковые кучки монет. Убедившись, что все правильно, извлек из-за пояса три одинаковых местных кошелька, в виде кожаных мешочков с затягивающейся горловиной, и как мог, изобразил туш³⁶.

– Вот это вам!

³⁶ Туш (немец. [tuschi] нажимать клавиши) – короткое инструментальное произведение, исполняемое чаще всего духовым оркестром в качестве приветствия на торжественных церемониях.

Передав удивленным напарникам кошельки, а потом и передвинув каждому по кучке серебра, Игорь сообщил, что здесь по десять гельдов разными монетами на всякие неожиданности и личные пожелания:

– На новую одежду не тратьтесь, за нее заплатим отдельно из «общих». Приличные шмотки из качественной красивой ткани, стоят дорого, и вы даже удивитесь насколько. А мы считайте, голые. Кстати, тут шьют два-три набора на всю жизнь, так что даже с не очень богатыми парадно-выходными вариантами мы вряд ли уложимся дешевле, чем в 85-90 гельдов на человека. Пока присмотритесь на окружающих, чтобы иметь представление, чего бы вы хотели себе.

Женщины принялись заинтересованно сгребать деньги, тут же погрузившись в обсуждение нарядов. Но, Игорь напомнил о себе снова:

– И еще, когда завтра перенесут остатки добычи, подберем всем по поясу и ножу. Нужно будет обязательно носить все это, как знаки вашего статуса. Чтобы местные видели в нас ни непонятных чужаков, а свободных, пусть и пока немного не похожих на них людей. Хочу напомнить, что десять гельдов – сумма немаленькая. Имейте в виду, что девчата, которые у нас тут по очереди ежедневно суеются, зарабатывают по одной-две монеты в месяц. Понятно, что всего по несколько часов, и для такой легкой работы это считается совсем неплохо. Довольны и они, и их родители, но оценить стоимость серебра я думаю, у вас получится.

– Откуда такое богатство? – отвлеклась Наталья от изучения потертых надписей на дензнаках.

– Помните, говорил про добычу? Мы же тогда, своим неожиданным вмешательством, придавили, как минимум девятерых. При этом очень хорошо снаряженных. И по местным меркам, это означает, что еще и очень дорого вооруженных. Среди них были телохранители предводителей и опытные воины из первых шеренг. Мы даже ранили и придавили ногу одному из их жрецов.

Меня тут заверили, – снова оживился Игорь, – что если бы не это, фризам бы так легко отделаться не удалось. Желтокожие жрецы, их было двое, в таких звериных масках, считаются жуть какими опасными. Так вот, «нашего» – они добились без потерь, а на совести второго – четверо из шести убитых во всем сражении. Так что за этот подвиг, местная дружина не только поддержала решение ярла, передать нам оружие и вещи побежденных лично нами, но и их долю с придавленного жреца, а это очень существенная сумма. Если бы я, конечно, продал его шмотки, – заговорщицки подмигнул комбинатор. – Но и так неплохо выходит. Смотрите-ка...

Журналист придвинул лежащий на столе свой богатый пояс и снова извлек клинок.

– Обычный хороший меч с ножнами стоит семь дюжин монет. Вдумайтесь, молодой наемник и за год не заработает! А этот, снятый с «нашего» жреца – стоит не меньше десяти-двенадцати дюжин. И плюс пояс, который оружейник ярла оценил монет в 25-30.

– И насколько... в общем, неплохо? – оживилась бухгалтер.

– После распродажи всего, что мне посоветовали скинуть, у нас, по моим прикидкам, появилось около трех кг серебра. Из них «неприкосновенный запас» – почти три марки³⁷ или 420 гельдов монетами – неслабая сумма. И есть еще чуть больше двух килограмм всякого хлама. Это еще примерно на шесть с половиной – максимум семь марок. Можно даже какое-то дело придумать, хотя здесь, в Эверберге, живут и работают только члены племени.

– Да, я еще сделал несколько ответных подарков ярлу. За гостеприимство. Вы не в курсе, конечно, но он же нас принимает, как близких родственников. Смотрите: поселил отдельно и уж никак не в тесноте – у нас двенадцать жилых комнат и этот зал, – всего лишь на четверых.

³⁷ Марка – основная денежно-весовая единица измерения у фризов, содержащая дюжину дюжин (144) серебряных гельдов – 244,8 гр.; при этом отчеканенный металл стоит минимум на четверть дороже, поэтому М. серебром (ломом металла) будет весить не менее 306 гр., если ее обменивать на монеты.

А кормят не то, что не хуже его хускарлов, у которых статус очень не простой, а практически, как их десятников.

– Ладно тебе оправдываться, – толкнула его в бок Наталья, – мы же видим, ты тут как свой стал. Надо было – значит надо!

– Убедил, повод праздновать точно есть. Давайте, уже выпьем что ли?! – предложил Анвар под смех остальных.

* * *

Прошлой ночью Игорь надо признаться согрешил.

О, нет, не подумайте чего совсем плохого! Он не крался по ночным коридорам цитадели и не сгребал трясующимися руками все, что плохо лежит. Естественно, не убивал и не лжесвидетельствовал. Если быть точным, речь шла о прелюбодеянии, хотя сам попаданец предпочитал даже мысленно использовать слово «разговелся». В его оправдание стоит заметить, что случилось это хоть и под вино, но зато впервые за все время в новом мире.

Пожалуй, еще можно было бы поставить в вину, что в некий кульминационный момент тот несколько раз произнес имя Господа всуе, но не судите строго, вряд ли парень так уж связно соображал в этот момент. Вообще, нельзя не признать, что три недели воздержания все-таки оказались бы и вовсе штукой неподъемной, если бы не ежедневная тяжелая работа в дружинной оружейной мастерской и тренировки последних дней...

Первые дни в Эверберге, после того, как правитель формально передал их долю добычи и предложил за небольшую долю привести в порядок всю эту кучу окровавленных мечей, копий, ножей и брони, журналист впал в детство и все свободное время бродил вокруг мастеров. Еще через день прибавилось участие в оплаченной подгонке под его размеры дорогой кольчужной брони убитого жреца.

Довольно легко освоивший какой-то минимум слов, парень втянулся в местную атмосферу мужского братства, преклонения перед красотой боевого железа, и вдруг осознал, что ему там просто нравится. Ежедневные беседы с ярлом, наверное, благодаря «мосту разумов», оказались серьезным подспорьем в языке. По крайней мере, он был уверен, что говорит на фриза намного лучше любого из своих спутников.

В итоге всей этой толкотни, уже через неделю местные ветераны, которым льстила явная заинтересованность рослого чужеземца, решили, что меч у него, безусловно, отличный и стал бы впору даже великому хевдингу, но этого мало и поделились мыслями с кем надо. Поэтому ничего удивительного, что уже наследующий день, во время очередной посиделки с ярлом, в тронном зале появился капитан дружины, и в свойственной ему грубоватой манере поинтересовался, умеет ли уважаемый гость биться мечом. Не начавшийся диспут завершился рекомендацией исправить эту глупость.

– Ингвар, время, конечно, упущено и будет намного тяжелее научиться, но броня у тебя очень хороша, потому в случае чего – сразу не убьют, а как не зарезаться самому – мы тебя научим, – хохотнул Дитмар. – Шансы выжить в бою у тебя будут.

Вот после нескольких дней суеты под 18-20-килограммовым грузом боевого железа, после такой непривычной, но волнительной потогонки, Игорь и оказался участником спонтанной вечеринки.

Его спутники, осознавшие, глядя на кучу серебра, что дела их намного лучше, чем казалось, самозабвенно ринулись веселиться. Груда персиков стремительно таяла под некрепленное светлое вино, но народ все равно очень быстро захмелел.

Первая половина тяжелого трехлитрового кувшина была выпита едва ли не в полчаса. Случилась даже пара попыток запеть, но голоса так гудели под высокими каменными сводами, что напрочь убивали ощущение уюта в колыпании единственного факела. Как-то само собой темп праздника замедлился и, смакуя сладкий бледно-желтый напиток, народ принялся вслух размышлять на тему будущего.

Через какое-то время, Игорь поймал себя на остром желании схватить и вжать в себя, растворить эту молодую русоволосую женщину. Такую тонкую, бесконечно нежную, и в то же время далекую от хрупкой беззащитности. Он с такой невыносимой жадностью мечтал к ней прикоснуться, что пришлось даже сжать кулаки, чтобы суметь удержать руки на месте и хотя бы не накрыть ее тонкие длинные пальцы, неуверенно и задумчиво теребящие края глубокой деревянной чаши.

После недавнего тоста за удачу, вина в ней осталось едва на глоток, поэтому время от времени они соскальзывали, и начинали бродить, исследуя обнажившиеся стены. Не выдержав этой болезненной слежки, мужчина сначала с силой зажмурился, а потом медленно и осторожно, стараясь не привлечь внимания странной порывистостью, отвернулся.

Промучившись еще почти час и выпив до дна несколько глубоких порций, Игорь осознал, что смысла сидеть нет. Прежняя бесшабашная веселость сегодня больше не вернется, а значит лучше пойти и, хотя бы выспаться. Все так же опасаясь смотреть на девушку, он сосредоточился на желании не выдать неуместное замешательство. Собравшись с силами, и пропев несколько строчек из «Черного ворона» сопровождаемый отзывчивым эхом, наконец-то справился с волнением и решил, что голос теперь «не даст петуха».

– Дорогие друзья, – приподнимаясь, начал он тоном эстрадного конферансье. – С глубокой скорбью и неизъяснимой радостью доношу до вашего сведения, что уже поздно, и вынужден вас покинуть. Радость в этом факте нахожу в том, что чем раньше засну, тем быстрее смогу проснуться, и снова насладиться созерцанием ваших приятных, а в большинстве своем – еще и прекрасных лиц!

Сопровождаемый смешками и подтруниванием про не умеющую пить молодежь, журналист начал выбираться из-за стола. Огибая пятиметровую громаду, воспользовался тем, что находился вне света факела и бросил прощальный взгляд на Катерину. И чуть не споткнулся завороченный ее призывным взглядом.

На мгновение, его захлестнул восторг, откуда-то хлынула уверенность, что она обязательно придет сегодня ночью. Глубокая «хмурая» складка на лбу выдавала, насколько девушка раздосадована уходом. Но тут Катя, очевидно, что-то уловила, и даже Шерлок Холмс не смог бы рассмотреть следов гнева на ее лице. Однако Игорь этого уже не видел. Он уходил в твердой уверенности, что нынешняя ночь будет намного лучше, чем многие другие.

«Она придет! Она непременно придет...»

* * *

Только ближе к полудню Игорь смог вынырнуть из гулкого забытья, и ощутил животом горячее чуть влажное бедро спутницы. Это произошло раньше, чем он окончательно проснулся. В памяти всколыхнулись приятные воспоминания прошедшей ночи, где-то внизу снова зародилось желание и снова его посетило извечное мужское любопытство: стало ужасно интересно, что же в ней не так?! Чем именно эта молодая женщина, к которой он сейчас прикасается, лучше и притягательней любых других?!

Руки в такие моменты всегда, вне зависимости от такого малозначимого и сравнительно недавно приобретенного органа, как сознание, начинают существовать сами по себе. Поэтому факт, что планы на сон уже в прошлом, было никак не скрыть...

– Ты меня любишь? – немного сбила накатывающее сумасшествие Катя.

Девять из дюжины отведенных туристам комнат располагались на втором этаже цитадели, вокруг отдельного зала с единственным входом. Одну из них замкнули дверью на железных массивных петлях и устроили один из складов. Там хранилось серебро и оставленное «для себя» оружие и броня. В другой устроили кладовку под вино, пиво, мед, сухофрукты и разные другие вкусности длительного хранения. Не набегаясь на хозяйскую кухню через половину цитадели, да и вкусы у пришельцев не в полной мере совпадали с местными традициями.

Третью хозкомнату превратили в ванную. Туда принесли невысокую кадку диаметром метра в полтора, и 200-литровую деревянную же бочку. Ежедневно наполнять ее водой, для горничных это было, наверное, самым муторным делом.

Еще три комнаты заняли по спальни, и три остальные на втором этаже – пока еще ждали своей судьбы.

Еще три комнаты, с отдельным трехметровым балконом, были на уровень выше, но попасть туда можно было только по винтовой каменно-деревянной лестнице из общего зала. Этот отнорок в свое время журналист и выбрал под себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.